

К. Осипов

ШТУРМАН ЧЕЛЮСКИН

огиз · госполитиздат · 1942

-08

75 коп.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛАР

И109253

V.N. Karazin Kharkiv National University

00575311

2

1890.33

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
AT HARVARD UNIVERSITY
CAMBRIDGE, MASS.

К. ОСИПОВ

ШТУРМАН ЧЕЛЮСКИН

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1942

И 109253

Центральна наукова
бібліотека при ХДУ

Інв. № _____

ВВЕДЕНИЕ

В 1942 г. исполняется двести лет со дня достижения поллярными исследователями самого северного пункта Азии — Северо-восточного мыса, или мыса Челюскина. Человек, именем которого назван этот мыс, был участником грандиозной по тем временам научной экспедиции. Колоссальные материалы, собранные этой экспедицией, пролежали под спудом до наших дней. В XVIII в. русское правительство не публиковало этих материалов, полагая, что того требуют политические соображения; в дальнейшем просто оказалось невозможным преодолеть косность тяжелой бюрократической машины.

Затерянными в архивных недрах лежали материалы экспедиции, и в связи с этим оставалась почти неизвестной история жизни ее главных участников. В Западной Европе давно появились многочисленные биографии первых путешественников в арктические области. В России же только узкие круги специалистов знали более или менее подробно о трудной жизни «Колумбов русских» (по выражению Ломоносова), о выпавших на их долю опасностях и лишениях, о черной неблагодарности адмиралтейств-коллегии, о печальной участи большинства из них.

Теперь, когда советские исследователи шаг за шагом раскрывают вековые тайны Севера, пользуясь поддержкой своего правительства и всего советского народа, наша мысль все чаще обращается к их славным предшественникам. Люди, в труднейших условиях проникнувшие через никому неведомые суровые пространства, на утлых суденышках бороздившие воды Ледовитого океана, ни разу до тех пор не потревоженные ударами весел, — эти люди, не нашедшие признания при жизни, имеют тем большее право на благодарную память потомков.

Среди этих людей особенно выделяется один: скромный штурман, не имевший чинов, всегда остававшийся в тени, но отличавшийся особенным организаторским талантом, сочетавший глубокие знания с непреклонным упорством и благодаря этому осуществивший труднейшую задачу.

Часть первая

«АНИАНСКИЙ ПРОХОД»

С давних времен люди стремились на север. Одних влекла пытливая любознательность ученых, других — жажда наживы, третьих — соображения государственной политики. Тысячи смельчаков пробирались на утлых суденышках между льдинами либо двигались по суше к манящему своей неизведанностью суровому северу, но лишь немногие возвращались обратно.

Эра наиболее оживленных попыток продвижения на север теснейшим образом связана с открытиями, совершенными в южной части земного шара.

В последних годах XV столетия португалец Васко-да-Гама открыл морской путь в Индию. Во всех странах Западной Европы индийские пряности (мускат, гвоздика и т. п.) были в то время одним из наиболее важных предметов заморской торговли. Зажиточное население дорого платило за них, и на торговле пряностями наживались многочисленные посредники. Пряности везли из Индии через Аравию и Египет в Италию. Арабские купцы, египетские перекупщики, итальянские судовладельцы, разбойные ватаги бедуинов и корыстолюбивые чиновники султана — все хотели иметь свою долю в этой торговле.

Новый морской путь, который открыл Васко-да-Гама на родину пряностей — Молуккские острова¹, устранял посредников; путешественник огибал Африку и мимо мыса Доброй Надежды плыл прямо в Индийский океан. Центр тяжести заморской торговли переместился из Италии в Португалию.

¹ Молуккские острова расположены между островом Целебес и Новой Гвинеей.

Двумя десятилетиями позже — в 1520 г. — португалец Фернандо Магеллан, возглавляя эскадру испанских кораблей, открыл новый путь к Индии и Молуккским островам: исходя из того, что земля круглая, он поплыл не на юг, а прямо на запад, обогнул Южную Америку и достиг намеченной цели.

Плавания Магеллана и Васко-да-Гама наряду с открытием Америки совершили революцию в представлениях о нашей планете. «Мир сразу сделался почти в десять раз больше, — писал об этом Энгельс, — вместо четвертой части полушария теперь весь земной шар лежал перед взором западноевропейцев, которые спешили завладеть остальными семью восьмыми... То было для буржуазии время странствующего рыцарства; она переживала также свою романтику и свои любовные мечтания, но по-буржуазному преследуя в конечном счете буржуазные цели»¹.

В европейской экономике произошли коренные сдвиги. Испания и Португалия стали мировыми державами.

XVI век — это век повального увлечения заморскими странами. Не было предприимчивого человека в Европе, который не бредил бы Индией и Китаем. Воображение наделяло эти страны изумительными чудесами. Рассказы побывавших там моряков, и без того приукрашенные, расцветались жадной молвой и обрастали все новыми подробностями.

Десятки тысяч людей из разных европейских стран наперебой стремились туда. Но тут-то и возникало затруднение: как попасть в обетованную землю? Испания и Португалия были в это время очень сильны и тщательно охраняли пути проникновения на Восток. Кораблям других государств испанцы препятствовали плыть мимо мыса Доброй Надежды, а португальцы — через Магелланов пролив.

Выход был один: найти другие, новые пути. Особенно были заинтересованы в этом страны, обладавшие наиболее сильным, после Испании и Португалии, флотом — Англия и Голландия.

Точных представлений об устройстве нашей планеты еще не было. Тем самым открывался простор для разнообразных гипотез: одни склонны были искать путь в Индию на северо-западе Европы, другие — на северо-востоке. Это последнее предположение имело особенно много приверженцев. Мысль о том, что где-то в неизведанных областях северо-восточной Европы есть морской «проход» к восточным странам, высказывалась с огромной убедительностью. В тогдашней картографии появилось и вскоре упрочилось название этого про-

¹ Маркс и Энгельс, ¹ Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 61—62.

хода — «Анианский». Скорее всего такое название для предпологавшегося пролива утвердилось в связи с тем, что венецианский путешественник Марко Поло (XIII в.) упоминал о какой-то провинции Аниа, расположенной на далеком севере.

О пресловутом «Анианском проходе» и вообще об окружающих его областях складывались целые легенды. Припомнили, что византийский писатель Прокопий в 552 г. сообщал, что на севере Европы живут киноцефалы — люди с собачьими головами. Откуда-то извлекли старинную рукопись о том, как в 900 г. несколько бременских дворян поехали искать новые земли на севере, как они добрались через льды Гренландии до «Татарского моря» и высадились на берег, где золото валяется прямо на земле, но солнце палит так невыносимо, что жители обитают под землей. Бременцы хотели было осмотреть эту чудесную страну, но на них набросились громадные псы, разорвали нескольких путников, а остальных прогнали...

Словом, в легендах и рассказах недостатка не было. Все они сводились к тому, что север Европы — это не безлюдная пустыня и что там можно найти таинственный пролив.

Одна за другой организуются экспедиции.

В начале XVI в. британский купец Роберт Торн просил правительство снарядить экспедицию, выдвигая следующие аргументы: если плыть к Молуккским островам через север, то путь сокращается на 6 тыс. миль¹; самое же плавание не представляет опасности, потому что у полюса должно быть всегда светло и тепло. Торн уверял, что опасен лишь отрезок пути длиной в 9 миль по обе стороны полюса.

В 1527 г. английское правительство, вняв Торну, послало два корабля. Один из них погиб, другой вернулся без всяких результатов.

В 1553 г. английское общество для открытия неизвестных стран «Merchant Adventurers» («Торговые предприниматели») отправило три корабля на поиски северо-восточного прохода. Отыскать пролив не удалось, но благодаря тому, что один из кораблей был занесен штормом к устью Северной Двины, плавание послужило началом морской торговли с Россией.

Три года спустя то же общество послало капитана Стефана Бурру с наказом плыть на восток, сколько возможно. Бурру пользовался помощью русских: дворянского сына Кирилла и поповича Гаврилы. Он первый дошел до Новой

¹ 6 тыс. морских миль=11 112 километров;

Земли. Плыть дальше он не решился, причем немалую роль сыграл страх его команды перед китами.

В самом конце XVI в. Голландия послала на север четыре корабля; главным штурманом был Виллиам Баренц. Корабли дошли до 77° северной широты. Двумя годами позже Баренц опять пустился в плавание; на этот раз он достиг 80° северной широты, открыл Шпицберген, зимовал на Новой Земле и, не перенеся лишений, умер на корабле.

Итак, к XVII в. западноевропейские мореплаватели северного прохода в Тихий океан не нашли, но разведали часть северного бассейна и, в частности, установили морскую торговлю с Россией.

Одним из крупнейших мореплавателей XVII в. был англичанин Генри Гудсон, совершивший в период 1607—1611 гг. четыре экспедиции. Конец его экспедиций был трагичен: стремившиеся закончить плавание и вернуться поскорее на родину матросы посадили Гудсона с семьей преданными ему товарищами и маленьким сыном в лодку и оттолкнули ее от корабля. Больше ни о ком из находившихся в лодке не было слышно.

Поиски северного морского пути в Тихий океан продолжались. В 1619 г. погибла от цынги экспедиция датчанина Мунка; из всего экипажа спасся только сам Мунк и два его спутника. В 1653 г. другой датский корабль под командованием Ламартиньера попал в полосу штиля. Норвежские береговые жители предложили ему «купить у них ветер». За недорогую цену — 10 талеров и фунт табаку — несколько крестьян «регулюровали» погоду: на привязанном к мачте куске холста они сделали три узла; развязав первые два, они — по уверению датчан — вызвали попутный ветер, развязав третий, навлекли бурю.

Несмотря на столь удобное «разрешение» вопроса, Ламартиньер уплыл недалеко. Зато он побывал на Оби у русских и купил у них большое количество чая; в те времена это была новинка для Западной Европы: в Лондоне, например, чай стали употреблять только с 1715 г. Иностранцы путешественники писали тогда, что в России чай — лекарство и средство от пьянства.

Короче говоря, свыше чем двухвековые непрерывные усилия западноевропейских мореплавателей, стоившие многих человеческих жизней, увенчались довольно скромными результатами. «Анианский проход» оставался попрежнему манящей загадкой.

В этих условиях была организована крупная русская экспедиция — первая экспедиция Беринга.

ПЕРВЫЕ ПОЛЯРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ РУССКИХ

Еще в начале XII в. на побережье Белого моря появились новгородцы. Плавая на легких ушкуях (плоскодонных лодках) вдоль берегов, они вели торговлю, а то и попросту грабили «дикую лопь». В 1435 г. был основан Соловецкий монастырь — русский опорный пункт на северном Беломорье.

В 1364 г. новгородцы перевалили через Урал, добрались притоком Оби — рекой Сосьвою — до основной артерии Оби, где один отряд их «воеваша по Оби реке до моря», а другой отряд «навёрх Оби воеваша».

Когда первую роль среди русских городов стала играть вместо Новгорода Москва, продвижение в сибирские земли стало совершаться под эгидой Москвы. В 1499 г. великий князь московский организовал чрезвычайно крупный по тем временам поход «в Югорскую землю», на Коду¹ и на «вогуличи». Предводительствовал в этом походе боярин Семен Курбский; под началом у него было около четырех тысяч человек. Отряд прошел 2 650 верст; в тундре воины ехали на собаках, а воеводы на оленях.

К середине XVII в. путь к устью Оби был уже настолько освоен, что можно было с некоторой приближенностью фиксировать время на прохождение его. От Соль-Вычегодска до Березова, т. е. с Печоры до устья Оби, ямщики доставляли путешественников за 13 недель и 4 дня. Протяженность пути составляла 3 тыс. верст.

Впрочем, этим путем, носившим название «чрезкаменного», потому что надо было перевалить через «камень», через скалистый Уральский хребет, пользовались только в летнее время. Зимой сильные ветры и глубокие снега делали путь трудно проходимым.

Наряду с этим сухопутным путем был еще морской путь, которым поморские промышленники пользовались с середины XVI в.

Выйдя из Двины, поморы плыли Ледовитым океаном, огибая при этом Канин полуостров. Иногда, чтобы не тратить времени на этот объезд, промышленники прибегали к волоку — так называемый «Чеснский волок», около 20 сажень длиною, между реками Чижой и Чесной. Затем плыли к острову Вайгачу и попадали в Карскую губу. Чтобы не оббегать полуостров Ямал, снова пользовались волоком — между реками Мутной и Зеленой, впадающей в Обскую губу. От-

¹ Кода — остяцкое княжество на Оби, в районе города Березова.

туда шли к устью реки Таза. Продолжительность морского пути колебалась от 3 до 4 месяцев.

Труден был «чрезкаменный» маршрут, но еще труднее был морской путь: часто кочи¹ вмерзали в лед, экипаж страдал от голода, цынги и недостатка свежей воды. И все-таки этой торной дорогой ходили сотни и тысячи русских людей.

В 1601 г. на реке Таза был основан город, сделавшийся вскоре центром Обского края. Город этот назывался Мангазея (от слова «монгомзи», как называли обитавших здесь ненцев). Мангазея служила стоянкой по пути на Енисей и на Тунгуски. Путники прибывали в нее обычно осенью, зимовали и весной отправлялись дальше. В Мангазее жили присланные московским правительством чиновники. Постоянное население в ней не превышало 100—200 человек, но с «транзитными» доходило до тысячи.

Морской путь к северным берегам Сибири быстро и успешно осваивался русскими людьми. В 1619 г. московское правительство, недовольное тем, что на этом пути трудно было собирать пошлины, а также обеспокоенное возможностью проникновения этим же путем иностранцев в богатую Сибирь, запретило пользоваться им. Плавание через Карское море воспрещалось под страхом смертной казни: «И тем людем за то их воровство быть казненным злыми смертми, и дома их велим разорити до основанья». На волоке между реками Мутной и Зеленой было построено укрепление, на Югорском шаре учрежден вооруженный пост.

С закрытием морского пути стала приходить в упадок Мангазея. Вдобавок в 1643 г. город дотла выгорел. Прошли века, и следы некогда оживленного города были утеряны. Только в 1900 г. удалось обнаружить развалины его. «По берегу торчат бревна — остатки стен, — писал участник экспедиции, нашедшей развалины. — Из построек сохранился какой-то сруб, отстоящий от берега (реки Таза) шагов на сто. Одна стена его обрушилась, а три оставшиеся наклонились».

Район Оби не был пределом проникновения русских на север Сибири. Речками и волоками между рекой Таза и Енисеем промышленники пробирались с Оби на Енисей. В 1610 г. двинянин Курочкин, спускаясь вниз по реке из Туруханска, достиг устья Енисея. В 1611 г. один пермский житель рассказывал англичанину Логану, что за рекой Пясиной есть река Хатанга. В устье реки Пясины имелись русские поселки.

В 1619 г. был основан город Енисейск.

¹ Коч — одномачтовое судно длиной около 25 м, которым пользовались русские промышленники.

Однако и Енисей не был пределом для отважных путешественников. Оттуда русские люди идут на Лену. Мангазейский промышленник Пенда одним из первых проложил туда дорогу, а вслед за ним потянулись другие.

В 1633 г. тобольский казак Иван Робров спустился по Лене до «Святого моря» (Северного Ледовитого океана). На своем легком коче Робров проплыл около 1 тыс. верст по Ледовитому океану от устья Лены до устья Яны; несколькими годами позже он прошел из устья Яны в устье Индигирки.

В том же десятилетии был совершен еще один замечательный морской поход из устья Лены. Группа казаков под командой Елисея Бузы проплыла в 1637 г. океаном от Лены до устья реки Оленека. Казаки вернулись сушей на Лену, а на другой год опять вышли на океанский простор и проплыли до устья Яны.

Экспедиции Роброва и особенно Бузы произвели большое возбуждение в умах. Из уст в уста передавались самые невероятные рассказы о богатствах ленских берегов. Отважный промысловый люд, а то и попросту искатели приключений устремились в «новые земли». Следом за ними двинулись служилые люди. Не боясь трудностей и опасностей полярных странствий, люди шли все дальше на север и восток, в неизвестные края, в неведомые морские просторы.

В 1642 г. красноярский казак Иван Ерастов отправился из устья Индигирки на восток к устью Алазеи.

В результате этого плавания Ерастов первый доставил сведения о чукчах.

Прошло еще два года, и в 1644 г. казак Михаил Стадухин, посланный на восток для сбора податей (ясака), обнаружил реку Колыму и основал в ее низовье город Нижнеколымск. Оттуда русское влияние распространилось еще дальше на восток. Стадухину вскоре стало известно, что восточнее Колымы есть большая река (Анадырь), устья которой можно достичь, плывя океаном вдоль берега.

В 1646 г. группа смельчаков во главе с Исаем Игнатьевым отправилась на поиски этой реки. Однако их попытка не увенчалась успехом.

В следующем году из устья Колымы поплыла на восток партия промышленников, но, встретив плывучие льды и боясь быть затертой, также воротилась обратно.

В этой партии был казак Семен Дежнев.

Годом позже, в 1648 г., тот же Дежнев совместно с Федором Алексеевым и Анкудиновым сбили большую партию (около 90 человек) и двинулись на шести¹ кочах к Анадырю.

¹ По другим сведениям — на семи.

Главной целью плавания были поиски «рыбьего зуба» (моржевых бивней).

Три коча скоро вернулись; три продолжали путь. Один из этих кочей (которыми командовал Анкудинов) был разбит бурей. Люди спаслись и разместились на двух других кораблях.

В сентябре кочи обогнули Чукотский мыс и вошли в пролив, отделяющий Америку от Азии, носящий ныне название Берингова. Иными словами, русские казаки на своих хрупких суденышках разрешили задачу, над которой бились полтора столетия лучшие европейские мореплаватели, пользовавшиеся поддержкой своих правительств. Лишь много лет спустя иностранным мореплавателям удалось доплыть туда, где в 1648 г. побывали Дежнев и Алексеев.

Изумительное плавание Дежнева стоило многих человеческих жизней. Не говоря уже о том, что первые три коча пропали без вести, тяжкие испытания выпали на долю остальных. Чукчи, осыпая их стрелами, не позволяли казакам высадиться на берег. Пришлось, не возобновляя попыток высадки, плыть дальше.

Разразившийся шторм разлучил кочи; один, с Алексеевым, был унесен в неизвестном направлении, а другой, в котором находился сам Дежнев, выбросило на берег. Взяв с собою то немногое, что было в их силах, двадцать шесть человек двинулись пешком к устью Анадыря. Они были обессилены борьбой с океаном, некоторые страдали от ран, нанесенных стрелами чукчей. Шли медленно. Девять недель понадобилось измученным людям, чтобы добраться до цели. Да и то к Анадырю пришли только 13 человек.

У устья реки Анадырь Дежнев организовал зимовку. В следующем году он построил два коча и поднялся вверх по Анадырю. Там он заложил постоянное зимовье (Анадырский острог) и послал «отписки и челобитные» о своих странствиях.

Впоследствии именем Дежнева была названа крайняя северо-восточная оконечность азиатского материка (мыс Дежнева).

Проникая на север, русские основывали там поселки, завязывали торговые связи, в то время как иностранные мореплаватели под влиянием систематических неудач, разочаровались в самой возможности отыскать «Анианский проход». «Я прекрасно знаю, — писал голландец Исаак Масса, — и могу это доказать, что северный морской путь закрыт и что все желающие его открыть претерпят неудачу в своих попытках».

В 1676 г. англичане предприняли очередную попытку оты-

скать «Анианский проход». Были посланы два корабля под командованием Вуда и Флоуэса. Экспедиция закончилась полной неудачей; вернувшись в Англию, Вуд категорически заявил, что все рассказы и предположения о наличии свободного от льдов морского прохода в Тихий океан — пустые и вздорные выдумки.

Таким образом, сопоставляя достигнутые русскими результаты с многолетними усилиями почти всех европейских стран разведать крайние северные районы Европы и Азии, нельзя не прийти к выводу, что русские значительно опередили в этом отношении иностранцев. Русские промышленники и купцы, казаки и «бродячие люди», а частично и представители правительственной власти осуществили то, что лишь многими десятилетиями позже сумели повторить иностранные путешественники. Ломоносов отметил в свое время это обстоятельство, объясняя его тем, что иностранцы «не имели довольного знания натуры. ниже ясного воображения представляющей дороги».

Успех русских объясняется лучшим знанием природных условий и необычайной отвагой. Русские мореходы пользовались гораздо менее надежными судами, чем иностранцы: те имели высокопалубные, довольно большие корабли; русские кочи были полупалубными, проконопачены мхом с глиной и даже при слабом волнении получали течь. Лавировать под парусами на таких судах было нельзя, можно было плыть только пользуясь попутным ветром.

Впрочем, кочи имели некоторые преимущества перед большими кораблями: на них можно было плыть вблизи от берега и таким образом избегать встреч с мощными льдинами.

К началу XVIII в. почти все громадное пространство вдоль северных берегов Европы и Азии, вплоть до Тихого океана (почти весь Северный морской путь — сказали бы мы теперь), было разведано русскими мореплавателями. На русских картах значились уже такие отдаленные реки, как Хатанга или Анабара¹.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА (1725—1730)

Много трудов было положено русскими людьми, чтобы пробиться сквозь льды, туманы, через оцепеневшую от холода тундру, чтобы проникнуть в таежную глухомань, в устье

¹ Только между устьями Пясины и Оленека не плавали русские кочи.

неведомых дотоле рек, в становища неизвестных ранее народностей.

Сведения о новых краях были отрывочны; правда переплеталась в них нередко с вымыслом. Многие донесения поллярных исследователей лежали под спудом в царских приказах, никто не знал о них и об описанных в них открытиях и наблюдениях.

В конце XVII в. громадная Сибирь оставалась еще для московского правительства почти что *terra incognita*¹. Правда, о ней подробно писал в 1636 г. Савва Есипов, а в конце того же столетия Семен Ремезов. Но этим летописям, содержащим свод фактов и наблюдений, недоставало систематизации, критического отношения к материалу, научной обработки. Северная Азия оставалась еще, по выражению сотрудничавшего в Академии наук немецкого ученого Иоганна Гмелина, «погруженной для географов в глубокий мрак».

Гмелин так характеризует низкий уровень сведений о Сибири в первой четверти XVIII в.: «Вся страна слыла под именем Татарии; все народы, в ней обитавшие, почитались за татар; не знали даже, как далеко (на восток. — К. О.) тянется суша и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем».

Обстоятельства властно требовали ознакомления с этой громадной страной.

В 1719 г. Петр послал в Сибирь геодезистов Лужина и Евреинова. Им была дана инструкция: «Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки, и далее, куда указано, описать тамошние места, сошлась ли Америка с Азиею, что надлежит сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карту положить».

Однако геодезисты ограничились посещением Курильских островов и Камчатки, не сделав никакой серьезной попытки разведать северное побережье Сибири.

Петр не ограничился, впрочем, посылкой Лужина и Евреинова. В том же году, когда он преподал цитированную выше инструкцию, он заключил договор с одним иностранным натуралистом, который взял на себя обязательство изучить географию Сибири, ее естественные богатства, исторические памятники и вообще все «замечательное». Ученый в течение семи лет ездил по Сибири, побывал у озера Байкал, в районах рек Енисея, Нижней Тунгуски и верховьев Лены.

¹ Неизвестная земля.

Результаты своей экспедиции он описал в десяти томном сочинении, написанном на латинском языке.

Однако поездка эта почти ничего не давала для характеристики северной оконечности Сибири. Знаменитый немецкий философ и ученый Лейбниц давно просил Петра снарядить специальную экспедицию, чтобы выяснить, соединяется ли Азия с Америкой¹. С аналогичной просьбой обратилась к Петру Парижская академия наук.

Итак, политические соображения, заботы об установлении торговых отношений с восточными странами переплетались с научными интересами, со стремлением раскрыть, наконец, давнишнюю загадку «Анианского прохода».

Петр I принял решение снарядить экспедицию, включив в ее состав лучших, известнейших моряков.

Тотчас начались поиски начальника будущей экспедиции. По рекомендации известных русских флотоводцев Сеньявина и Сиверса был приглашен датчанин Беринг.

Берингу — имя его было Витус, но в России все звали его Иваном Ивановичем — было уже свыше сорока лет. Он многое перевидал на своем веку, с юных лет бороздя моря и океаны (плавал даже в Ост-Индию). В 1704 г. Беринг был принят на русскую службу.

Спустя двадцать лет его кандидатуру выдвинули на пост начальника ответственной и опасной экспедиции.

В последних числах 1724 г. Петр подписал указ об экспедиции, а несколькими днями позже, за три недели до своей смерти, он лично написал Берингу инструкцию, определявшую его задачи.

Инструкция гласила:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли², которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, проведать от него, как оной кюст³ называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставля на карту приезжать сюды».

¹ «Никто, — писал Лейбниц, — не может лучше царя разрешить миру это сомнение, и это будет славнее и даже важнее всего, что сделано в свое время египетскими царями для исследования истоков Нила».

² Повидимому, пропущено слово «плыть».

³ Берег (от немецкого слова die Küste).

Посылая Берингу инструкцию, царь велел Апраксину сказать Берингу на словах:

«Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспоминал на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали», то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию.

То был посмертный наказ Петра: Беринг получил инструкцию уже после смерти царя. Не мешкая Беринг выехал из столицы в Охотск; отсюда предполагалось добраться на судах до Камчатки — исходного пункта задуманной экспедиции.

Вместе с Берингом выехали его помощники — лейтенанты Чириков и Шпанберг.

Только спустя восемь месяцев участники экспедиции добрались до города Илимска.

В Илимске решено было зимовать. В Усть-Кутском, на Лене, построили зимою корабли и на этих кораблях отправились, когда вскрылись реки, к Якутску. В июне 1726 г. добрались до Якутска.

Отсюда начался труднейший участок пути: предстояло добраться сушей до Охотска.

Менее тяжелые вещи в конце октября доставили в Охотск. Из 663 лошадей, на которых перевозили кладь, 267 пали в пути. Та партия, которая везла громоздкие предметы экспедиции, была застигнута морозами. Чтобы ускорить продвижение, начальствовавший над партией Шпанберг распорядился запрягать не только животных, но и людей.

«Идучи путем, — пишет Беринг об этом страшном походе, — оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные».

Только в январе 1727 г. те, кто остался в живых, достигли Охотска.

Весь 1727 год ушел на дальнейшее продвижение экспедиции к ее конечной цели: перевезти на Камчатку провизию и снаряжение было нелегким делом. Особенно большие осложнения возникли во время переброски грузов на восточный берег Камчатки. У всех окрестных жителей были отобраны собаки. Мало того: самих жителей заставляли выполнять для экспедиции тяжелые работы да кроме того платить крупную дань мехами. Неисправных жестоко избивали.

Путь от Охотска был труден и мучителен для членов экспедиции. Беринг со стесненным сердцем отметил в своем дневнике:

«Каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы

из снега, а сверху покрывали, понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему называются пурги, и ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, отчего и умирают».

В городке Нижнекамчатске Беринг начал постройку корабля, на котором ему предстояло плыть туда, где сближаются берега Америки и Азии. В июне 1728 г. корабль был готов; это был бот, длиной в 60 футов. Ему было дано название «Св. Гавриил». Спустя месяц, 13 июля, новый корабль вышел из устья реки Камчатки в открытое море. Со дня получения Берингом инструкции Петра I прошло уже три с половиною года; только теперь экспедиция непосредственно приступила к исполнению возложенного на нее поручения.

В первых числах августа «Св. Гавриил» обогнул Чукотский Нос, причем был открыт остров, названный именем Св. Лаврентия. Вслед за тем вошли в широкий пролив.

Тут стали обсуждать дальнейший маршрут. Корабль находился в этот момент на $65^{\circ}30'$ северной широты. Продолжать путь на север — значило рисковать встретиться со льдами. Чириков предложил плыть вдоль земли до устья реки Колымы или до льдов и зимовать в этих местах.

Беринг не решился последовать совету смелого русского мореплавателя. А между тем состояние льдов и атмосферные условия были в тот год исключительно благоприятны. Если бы предложение Чирикова было принято, экспедиция разузнала бы все, к чему стремилась, и прежде всего то, что она уже находится в проливе, отделяющем Азию от Америки, в легендарном «Анианском проходе», соединяющем Тихий и Северный Ледовитый океаны.

Это было именно так. Но ширина пролива (в самом узком месте 48 морских миль, т. е. около 90 км) не позволила Берингу увидеть противоположный (американский) берег. К тому же все эти дни держался густой туман.

Поэтому Беринг и другие члены экспедиции полагали, что находятся все еще в открытых водах. Дойдя до $67^{\circ}18'$ северной широты, Беринг повернул обратно.

Из того факта, что далее к северу не было видно земли, Беринг заключил, что Америка не соединяется с Азией. Ему так и осталось неизвестным, что он побывал в проливе между Азией и Америкой¹.

Через полстолетия после этого мореплаватель Джеймс Гук, достигнув этих же мест и сопоставив записи Беринга

¹ В этом отношении Беринг разделил участь Дежнева, так же никогда не узнавшего всей важности совершенного им открытия.

со своими наблюдениями, убедился, что Беринг действительно был здесь.

— Я обязан воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитана Беринга, — заявил Кук. — Наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что просто удивляешься, как мог он достигнуть этого, работая с такими несовершенными инструментами. Широты и долготы определены им так верно, что лучшего нельзя почти и ожидать.

Дже́мс Кук, воздавая должное начальнику первой крупной русской экспедиции, назвал знаменитый пролив, тайну которого столько веков стремились разгадать человечество, Беринговым проливом¹.

В следующем, 1729 г. Беринг еще раз пытался достичь американских берегов, но опять неудачно. В 1730 г. члены экспедиции вернулись в Петербург.

Там Беринга встретили сдержанно: правда, он открыл новые острова и сделал ряд географических открытий, но он не нашел (как полагали, в том числе и сам Беринг) искомого «Анианского прохода», — следовательно, нельзя с достоверностью утверждать, будто Америка не соединяется с Азией. Чириков, например, резонно указывал, что оба материка могут сходиться где-нибудь западнее того пункта, которого достиг «Св. Гавриил».

Впрочем, Беринг и сам не был удовлетворен результатами плавания. Едва вернувшись, он в апреле 1730 г. возбуждал вопрос о посылке новой экспедиции.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВТОРОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Берингом были поданы две записки. В них излагался проект мероприятий к устройению Охотского края и Камчатки, а также подчеркивалась необходимость исследования северного берега Сибири между Обью и Леной. Вместе с тем Беринг доказывал важность более основательного изучения пути в Японию и Америку, так как с этими странами можно вести оживленную торговлю.

В своих записках Витус Беринг исходил из твердого предположения, что Америка находится где-то поблизости от Камчатки. Любопытна мотивировка Беринга: во-первых, на Камчатке жил в 1715 г. пленный инородец, подробно рас-

¹ Первым человеком, нанесшим на карту оба берега пролива, был подштурман Иван Федоров. Федоров плавал здесь в 1732 г. и пересек пролив.

сказывавший о своей родине, которая, по его словам, отстоит очень недалеко и которая, по общему мнению, не может быть ничем иным, кроме Америки; во-вторых, морские волны часто прибивают на Камчатку толстые стволы неизвестных деревьев; ясно, что берег, на котором растут эти деревья, находится неподалеку; в-третьих, весной с востока прилетает на Камчатку много птиц, которые осенью снова улетают куда-то; в-четвертых, глубина моря около Камчатки незначительна, она не соответствует высоте камчатских берегов, и это заставляет предполагать, что поблизости находится другой берег.

Исходя из этих соображений, Беринг высказывал убеждение, что, плывя из Камчатки на восток, можно вскоре достигнуть Америки, и если это не удалось «Св. Гавриилу», то удастся другому кораблю, который будет снаряжен основательнее.

На первых порах проект Беринга о посылке второй экспедиции не встретил сочувствия. Немалую роль в этом сыграло одно обстоятельство, типичное для эпохи, когда уровень науки был еще низок и точные наблюдения и сведения перемежались с непроверенными, а иногда просто вздорными слухами.

Обстоятельство это заключалось в следующем. В 1729 г., т. е. в период пребывания экспедиции Беринга на Камчатке, казачий голова Афанасий Шестаков задумал на свой страх и риск отправиться искать американский берег. Он снарядил три корабля и, подобно конквистадорам, поплыл навстречу неизвестности. Предприятие Шестакова закончилось трагично — он был убит в бою с чукчами; но в следующем году один из его помощников, подштурман Иван Федоров, совместно с геодезистом Гвоздевым снова поплыли из Охотска в поисках «Большой земли». Им удалось пересечь Берингов пролив и высадиться на американском берегу. Это замечательное плавание осталось, как и многие другие открытия русских в ту пору, незамеченным (сам Федоров умер на Камчатке в 1733 г.).

Какой же, однако, ущерб могли нанести Берингу странствия Шестакова? Дело в том, что еще перед своим роковым плаванием Шестаков прошел с четырьмястами казаков по северо-восточному побережью Сибири. Это была в значительной мере военная экспедиция, но попутно Шестаков составлял карты, которые затем привез в Петербург. В картах Шестакова гнездились множество ошибок. Против устья Колымы Шестаков начертил контуры берега, заявив, что это и есть американский берег.

Шестаков принял, повидимому, за Америку Медвежий Острова.

Карты Шестакова не встретили достаточно критического отношения ни в Петербургской, ни даже в Парижской академии наук, где они были воспроизведены Делилем. Между тем они очень разнились от тех, которые привез Беринг. В правительственных кругах не придавали поэтому особой веры добытым Берингом результатам. Вопрос о посылке новой экспедиции затягивался. Между тем изучение Сибири, особенно сибирских окраин, и разведывание морских путей диктовались не столько научными, сколько политическими и хозяйственными соображениями.

Правительству нужны были точные сведения о производительных силах Сибири. Надо было проверить предположения о возможности добывать серебро в окрестностях Селенгинских заводов, добывать медь и серебро на Алтае и многое другое.

Помимо ископаемых, в Сибири было много пушнины, у берегов океана — морской зверь и т. п.

Надо было также внести ясность в вопрос, имевший большое значение для торговли с Востоком: можно ли взамен длинного сухопутного пути через Сибирь сообщаться с Камчаткой и дальше — с Японией, Китаем и Индией — морским путем.

Наконец, тщательного разведывания Сибири требовали политические соображения. «Положение Амура, — писал один иностранный ученый, — возбуждает в каждом желание, чтоб Россия опять получила во владение сии берега¹ или, по крайней мере, приобрела право плаванья по ним к Камчатскому и Японскому морю».

Коротко говоря, проект посылки новой, на этот раз гораздо более крупной экспедиции в Сибирь, вплоть до берегов Тихого океана, совпадал с государственными нуждами, он отвечал политическим и экономическим задачам момента.

Именно поэтому Беринг нашел себе могущественную поддержку в лице некоторых членов правительства, в частности обер-секретаря сената И. К. Кириллова.

Год спустя после того, как Беринг подал императрице Анне Иоанновне свои «предложения» о второй экспедиции, из Петербурга было послано распоряжение бывшему обер-прокурору сената Скорнякову-Писареву, проживавшему в то время в ссылке в Восточной Сибири, подготовить в Охотском

¹ В 1644 г. на Амур проникли русские казаки во главе с Поярковым, но в 1689 г. русское правительство уступило Приамурье Китаю по Нерчинскому договору.

крае и на Камчатке все необходимое для приема новой экспедиции. В частности, в Охотске велено было устроить порт¹.

Таким образом, уже в 1731 г. был предreshен вопрос об организации новой экспедиции. Однако соответствующий указ был опубликован только в апреле 1732 г. — после детального обсуждения вопроса в Академии наук, в адмиралтейств-коллегии и в сенате.

На этот раз дело было задумано в масштабах, небывалых дотоле ни в России, ни в какой-либо другой стране. В состав экспедиции входило 570 человек. Кроме того, в Якутске велено было собрать 500 ссыльных для перевозки грузов. Наконец, предполагалось широкое привлечение местного «инородческого» населения.

Некоторой иллюстрацией масштаба предприятия может служить цифра провианта, который требовалось (с огромными трудностями) доставлять для нужд экспедиции: 16 тыс. пудов в год.

История полярных исследований еще не знала экспедиции такого размаха.

Вопрос о том, кому быть начальником экспедиции, не возбуждал сомнений. Капитан-командор Витус Беринг, уже 30 лет служивший в русском флоте, возглавлявший первую экспедицию, приобретший значительный опыт, инициатор и горячий поборник нового предприятия, имел все права на то, чтобы получить начальствование. Никто не оспаривал его добросовестности и опытности; указывали, правда, на его чрезмерную осторожность, переходившую в нерешительность. Но это не могло послужить достаточным основанием для отклонения его кандидатуры.

Первым помощником Беринга был назначен его соратник по первому плаванью Чириков.

Алексей Ильич Чириков начал морскую службу в чине гардемарина в 1716 г. В 1725 г. он был произведен в лейтенанты. Это был, бесспорно, один из замечательных русских моряков. Он был умен, образован, решителен и в то же время благороден.

В первой половине XVIII в. во флоте редко вспоминали о таких вещах, как человеческое достоинство подчиненных; свирепые наказания сыпались, как из рога изобилия, и гуманный Чириков был в этом смысле редким и отрадным исключением.

Полной его противоположностью являлся второй помощник

¹ Адмиралтейств-коллегия послала с этой целью из Петербурга в распоряжение Скорнякова специальных мастеров-кораблестроителей.

Беринга, Мартын Шпанберг. Хороший моряк, он был груб и жесток.

На Шпанберга очень походил назначенный несколько позже в состав экспедиции лейтенант С. Г. Малыгин. Отличный моряк, Малыгин также был жесток с подчиненными, «головы ломал до крови», засекал до полусмерти девятихвосткой и «делал разные притеснения» инородцам-ненцам.

Для руководства отдельными отрядами были выделены лейтенанты Муравьев, Павлов, Овцын, Прончищев, Ласиниус.

Одна из особенностей экспедиции заключалась в том, что к участию в ней были привлечены известные ученые, среди них русский естествоиспытатель Степан Крашенинников, написавший классическое исследование о Камчатке.

Кроме командного состава и ученых, в состав экспедиции входили штурманы, матросы, студенты, лекари, «рудознаты», геодезисты, два живописца, 14 человек конвоя и т. д.

Перед отъездом экспедиции из Петербурга Берингу были вручены обстоятельные инструкции. Ему предписывалось, построив в Охотске или на Камчатке два корабля, отправиться вместе с Чириковым на поиски американских берегов, «на оных побывать и разведать подлинно, какие на них народы и как то место называют, и подлинно ли те берега Американские. И в том у него (Беринга. — К. О.) руки не связываются оной вояж учинился не бесплодной, как и первой».

Нелегко было Берингу читать, что его первое путешествие считается бесплодным, и пять лет напряженных усилий и тяжких лишений одним росчерком пера сводятся к нулю. Но делать было нечего.

Шпанбергу предстояло плыть во главе эскадры из трех кораблей к берегам Японии.

Остальным офицерам предписывалось отправиться на трех палубных дубель-шлюпках от устья рек Оби и Лены для описания северных берегов Сибири, «для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, тако ж имеется ль проход Северным морем».

Составители инструкции постарались предусмотреть все возможности. Например, командиру дубель-шлюпки, которой надлежало плыть из устья Лены на восток, предписывалось, в случае, если обнаружится, что американский берег соединяется с сибирским, плыть вдоль него «сколько возможно», стараясь установить, как далеко за ним лежит Тихий океан; если же такое соединение не обнаружится, то «отнюдь назад не возвращаться, а обходить угол и притти до Камчатки».

Кроме того, командиру упомянутого корабля вменялось в

обязанность обследовать остров против устья Колымы, «о котором разглашено, якоб земля великая», выяснить, имеются ли там жители и если они «самоизвольно пожелают итти в подданство», то принять их.

Намечалась также посылка корабля для описи берегов от Архангельска до Оби.

Иными словами, экспедиция должна была охватить все колоссальное пространство от Белого моря до Тихого океана, систематически описав все побережье; в то же время другому отряду поручалось исследовать путь из Камчатки в Японию, а на самого Беринга возлагалась ответственная задача разыскать путь из Камчатки в Америку и заодно раскрыть вековую тайну (считавшуюся еще нераскрытой) морского прохода между двумя материками.

Правительство приняло меры к тому, чтобы экспедиция на всем протяжении своего пути встречала содействие местных властей: сибирским властям было предписано зажигать маяки на северном берегу, построить в устьях больших рек склады и завезти туда запасы провизии.

Для нужд экспедиции предполагалось построить небольшие железоделательные заводы подле Иркутска и Якутска. В Якутск определено было послать нарочных офицеров, «которые б с тамошними командирами имели в скором отправлении экспедиции общее старание, и исправясь, провиант и прочее отправлять в путь со всяким поспешением, дабы оные в Охотске, по прибытии капитана-командора Беринга, были в готовности, чтобы в вышеописанном вояже не могло быть ни в чем остановки».

Велено было также организовать закупку у местного населения оленьего мяса, рыбы и жира.

Почти все распоряжения этого рода остались, однако, невыполненными.

В феврале 1733 г. офицеры и матросы начали выезжать в Сибирь по определенному для них маршруту.

Великая северная экспедиция началась.

Часть вторая

ШТУРМАН ЧЕЛЮСКИН

В Калужской губернии, недалеко от большого тракта, лежало имение Ивана Челюскина. Род Челюскиных был одним из мелкопоместных, «захудалых» дворянских родов, которых много было на Руси.

Сына своего Семена Иван Челюскин после некоторого

колебания отдал в недавно открытое морское училище, прозывавшееся навигатской школой. Дворяне неохотно отдавали туда своих сыновей, так как было известно, что там учиться трудно. Мнение о том, что серьезное учение — не дворянское дело, так укоренилось, что в 1745 г. последовало определение, «чтобы в штурманах никому из шляхетства не быть». Но при Петре I такие взгляды не поощрялись; юный Семен Челюскин с детства выражал наклонности к путешествиям, перспектив на карьеру у него не было никаких (ни денег, ни протекции), и отец решил отдать его в навигатскую школу.

Учиться было, действительно, трудно. Не было хороших преподавателей. Почти не было учебников, а те, что имелись — несколько английских и голландских руководств, — были так плохо переведены, что было нелегко понять смысл изложенного.

Будущих штурманов учили определять широту, долготу же находить не умели. «Хотя тужили, что не велико-б мореплавателям затруднение было, если б они могли находить ланджитюд¹, но утешали себя тем, что такой секрет не знаем есть, хотя и о том из древних лет и до ныне о сыскании утвержденной длины трудимся, но невозможно есть».

Молодой Челюскин одолел все препоны. В феврале 1726 г. он был зачислен на службу в чине подштурмана.

Год за годом тянулась однообразная жизнь. У Челюскина были солидные знания, богатое воображение и неисчерпаемый запас духовных сил — энергии, настойчивости, готовности к лишениям. Он жаждал проявить себя. Но как и где?

Он услышал, что готовится вторая экспедиция в северную Сибирь. Другого такого случая не повторится. Уже семь лет обретался он в подштурманах, вдали от больших дел, от больших плаваний.

Он твердо решил проситься к Берингу.

Ходатайство его было удовлетворено. Семнадцатого апреля 1733 г. он был включен в число участников Великой северной экспедиции².

Выезд участников экспедиции в Сибирь начался в феврале 1733 г. Продолжительность экспедиции определялась адмиралтейств-коллегией в шесть лет. Все понимали, что это минимальный срок, что путешествие может затянуться и что многих оставят в далекой Сибири для выполнения тех

¹ Долготу.

² По некоторым данным, Челюскин был одновременно с назначением к Берингу произведен в штурманы. По другим источникам, производство в штурманы последовало несколько позже.

или других поручений. Поэтому почти все женатые офицеры и даже многие нижние чины везли с собой свои семьи.

Следом за персоналом потянулись обозы со снаряжением. Длинная вереница подвод следовала до Твери, оттуда до Казани речным путем, затем опять сушей до Тобольска, в котором устроили зимовку.

Весной следующего, 1734 г. обоз, увеличившийся за счет заготовленного в пути провианта, был двинут дальше, по направлению к Якутску. Начальство над обозом было вверено Чирикову. По артериям сибирских рек — Иртыш, Обь, Кеть, Енисей, Тунгуска, Илим — Чириков доставил подводы до Илимска, отсюда сухопутным путем до Усть-Кута на Лене, наконец, уже летом 1735 г. привел их по Лене в Якутск.

Беринг и большая часть участников экспедиции прибыли в Якутск в конце 1734 г.

Челюскин, зачисленный в отряд Прончищева, был в числе их.

С Прончищевым у Челюскина установились дружеские отношения. Большинство участников экспедиции успели уже перессориться между собой. Но в отряде Прончищева сложились не было: он сам, лейтенант Ласиниус, Челюскин и геодезист Чекин, эти четыре человека, представлявшие собой командную верхушку группы, которой поручалось обследование одного из труднейших участков, не занимались ни подсиживанием друг друга, ни ябедками.

По прибытии в Якутск начались приготовления к походу. В распоряжение Прончищева предоставлялась дубель-шлюпка «Якутск». Она имела 70 футов в длину и 18 в ширину; осадка судна составляла 6½ футов.

Никто не отдавал себе ясного отчета в характере предстоящего путешествия; арктические условия были почти неизвестны, трудности плавания недооценивались. Поэтому на «Якутск» взяли, несмотря на ограниченные запасы провизии, много таких людей, без которых можно было легко обойтись.

Экипаж судна состоял из командира, штурмана, подштурмана, геодезиста, боцманмата, иеромонаха, подлекаря, ученика, трех парусников, трех конопатчиков, двух канониров, писаря, трех плотников, двух купоров, квартирмейстера, подконстапеля и двадцати шести солдат.

Кроме того, Прончищев взял с собой свою молодую жену — первую европейскую женщину, отправлявшуюся на крайний север Сибири.

30 июня 1735 г. «Якутск» вышел в плавание. Борт о борт с ним плыл второй, немного меньший, корабль «Иркутск»¹.

¹ «Иркутск» имел 60 футов в длину.

которым командовал Ласиниус. Позади шли дощаники, груженные запасным провиантом.

НА БОРТУ «ЯКУТСКА»

При организации Великой северной экспедиции было решено обследовать и описать по возможности все северное побережье России от Архангельска до Тихого океана. Архангельск расположен на 40° восточной долготы. Если даже взять в качестве крайней восточной точки не мыс Дежнева, а тот пункт, до которого фактически доходили корабли экспедиции — устье реки Анадырь, то расстояние от этого пункта до Архангельска составляет около 15,5 тыс. км.

Для описи этой колоссальной территории были созданы четыре группы (находившиеся сперва под начальством Беринга, а в дальнейшем перешедшие в непосредственное подчинение к адмиралтейств-коллегии):

1. Лейтенантам Муравьеву и Павлову поручался участок от Архангельска до устья Оби.

2. Лейтенанту Овцыну — опись берега между устьями Оби и Енисея.

3. Прончищеву (и Челюскину) — опись берегов к западу от Лены (т. е. Таймырский полуостров, область рек Хатанги, Таймыра, Пясины и т. п.).

4. Лейтенанту Ласиниусу — участок к востоку от Лены.

Участок, который предстояло посетить Прончищеву, являлся самым северным участком Сибири. Казаки и промышленники плавали в западном направлении в тех водах, которые носят ныне название моря Лаптевых, не дальше Оленека. Первым, кто добрался до устья этой реки и поднялся вдоль Таймырского полуострова, был Прончищев.

Mare congelatum (Застывшее море) — так обозначались на старинных картах холодные, суровые пространства Ледовитого океана. Туда держал курс «Якутск».

...2 августа корабли Прончищева и Ласиниуса достигли устья Лены. Здесь могучая река пятью протоками впадала в Ледовитый океан. Челюскин тотчас измерил ширину их. Оказалось — от ста до двухсот саженой. Невдалеке виднелось устье речки, которую называли Агус Юегос. Теперь предстояло выбраться в океан.

Это была нелегкая задача. Между островами, из которых самым большим был скалистый остров под названием Столб, вились протоки. Первые три шли в западном направлении, две остальные — в восточном. Путь «Якутска» лежал на запад, и Челюскин принялся отыскивать фарватер в одной из западных протоков.

Двухдневные усилия не увенчались успехом. Тогда Челюскин решил идти восточным рукавом, хотя это и удлиняло путь. Рукав был узок, на каждом шагу грозили острые подводные камни. Когда достигли Быковского мыса и опасные места остались позади, Челюскин сел писать первое донесение Берингу. «Хотя и с великою трудностью за неимением знающих лоцманов, точно божеской милостию сюда прибыл», — писал он. Боцманмат Григорьев был отправлен с этим письмом в Якутск.

Челюскин определил широту Быковского мыса; вышло — $71^{\circ}40'$. За Быковским мысом перегрузили с дощаников провиант и отправили пустые суда обратно в Якутск.

Дальше дороги обоих мореплавателей расходились. Ласиниус поворачивал на восток, Прончищев — на запад.

Почти пять дней пришлось «Якутску» простоять на якоре. Наконец, представилась возможность двинуться в путь. Обходя небольшие островки, лежащие в устье Лены, корабль поплыл на север.

24 августа, пройдя весь западный рукав, достигли устья Лены. «Якутск» повернул на юг, внутрь губы, к устью реки Оленек.

Путь становился с каждым часом опаснее. «...Льды икрами от восточной и северной стороны лежат на глубине от четырех и до десяти сажен, — доносил Прончищев Берингу, — а видимо, что и глубочае лежат, точно не вяща густ, меж которыми расстоянием сажен по пятидесят и по сту наша плаванья было, но божескою помощию безвредно прошли, а от показанной ширины, обходя вышереченные ж острова, плыл меж зюйдом и вестом около ста миль италианских»¹.

Через два дня подошли к Оленеку и стали здесь на якорь. Челюскин послал матросов промеривать фарватер. Прodelав измерения, он ввел корабль в устье Оленека.

Первоначально имели в виду не задерживаться здесь и плыть дальше на запад. Но от этого плана пришлось отказаться. Во-первых, начались жестокие холода, затруднявшие работу команды; во-вторых, в дубель-шлюпке объявилась течь: каждый час прибывало по два дюйма воды; в-третьих, не было лоцмана, и во избежание аварии идти приходилось очень медленно, тщательно разведывая фарватер.

Прончищев и Челюскин, посоветовавшись, решили устраиваться на зимовку.

30 августа «Якутск» остановился в избранном для зимовки месте. Тут находилось несколько юрт, в которых

¹ Центральный государственный военно-морской архив; фонд Беринга, д. № 24, л. 34.

жило человек двенадцать тунгусов. Увидя приблизившийся корабль, все они бросились бежать, покинув свои жилища. Только одного удалось поймать; с его помощью раздобыли годный для постройки лес и построили две крепкие избы. Сделано это было с целью показать убежавшим в лес жителям, что пришельцы не покушаются на их жилища и не питают к ним враждебных чувств. Один за другим беглецы стали возвращаться. Они смущенно объясняли свое бегство боязнью заразиться оспой, но видно было, что в тундре уже гуляла плохая слава о европейцах, и с ними боялись иметь дело.

Прончищев держал себя с большим тактом, оказывал тунгусам и якутам мелкие услуги, и вскоре запуганные туземцы совсем перестали бояться его.

Спустя три недели после того, как «Якутск» ошвартовался в устье Оленека, налетел шторм. Ветром в реку нагнало много больших льдин. Потом ударил сильный мороз и скрепил сталкивавшиеся с грохотом льдины в одно ледяное поле. «Якутск», стиснутый со всех сторон льдом, оказался в плену.

Команда не покладая рук вела приготовления к зимовке. В первых числах октября удалось закончить постройку землянок, и люди, покинув затертый льдами корабль, переселились в них.

10 ноября солнце скрылось за горизонтом. Началась полярная ночь.

С первых дней весны 1736 г. Прончищев и Челюскин начали деятельно готовиться к дальнейшему походу, ремонтируя судно и пополняя сильно поредевшие запасы провизии, но освободиться из ледового плена не удавалось. Только 21 июня река вскрылась; но в море стоял еще твердый, компактный лед, так что двинуться к намеченной цели было невозможно.

Так прошел весь июль. Дни опять стали быстро укорачиваться, и каждый невольно задумывался, не придется ли проводить здесь в бездействии вторую зиму. Но вот в первых числах августа льды отнесло от устья Оленека. Выход в море был открыт.

«Якутск», как птица, расправляющая крылья, поднял паруса и, выйдя из устья, двинулся к северо-западу.

Через два дня «Якутск» подошел к устью Анабары. Тут сделали остановку. Геодезист Чекин был послан для исследования наличия руды в горах. Одновременно Челюскин организовал промерку глубин вверх по реке.

Чекин вернулся спустя шесть дней, и 10 августа 1736 г. корабль вновь поднял паруса.

Челюскин держал курс на запад, к реке Хатанге. Однако, пройдя всего 32 мили, мореплаватели встретили льды. Крупные льдины грозили раздавить маленькое суденышко. «Меж которыми льдами шли с великой опасностью, и как стали подходить ко оной реке Хатанге, то близ ее устья великие стоят льды от устья в море, которые мы признавали, что оные льды, токмо из устья реки Хатанги не за долгое время до нашего прибытия вынесло, от которых льдов мы принуждены были идтить возле берегу и были в самом устье реки Хатанги, которая в ширине семидесяти четырех градах и десяти минутах»¹, — доносил Челюскин Берингу.

Лавируя между льдами, «Якутск» подошел к берегу. Устье Хатангской губы имело в ширину почти 30 миль. Посредине его возвышались два острова: один — низменный, другой — утесистый, каменистый. На западном берегу были видны строения, но зимовья были пусты.

«Понеже слышно было мне и преж сего, — писал Челюскин Берингу, — что иные зимовья построены токма для того, что зимним временем имеют промыслы хатангские жители и заводы песцовые около устья, которые жители живут вверх по реке Хатанге от устья верст полтораста».

Сделав необходимые измерения, мореплаватели двинулись дальше.

Был попутный ветер, больших льдов не было. «Якутск» медленно шел к северу, держась поблизости от берега.

Это была как бы кратковременная передышка; через три дня, 18 августа, корабль попал в полосу густого льда. С огромным риском «через великую нужду» пробирался «Якутск» среди льдин. Иногда свободный проход между льдинами составлял всего несколько сажен. Итти приходилось подле самого берега, на глубине 2—2½ сажен. Вдобавок спустился туман, так что в нескольких десятках шагов ничего не было видно.

Потребовалось все искусство Челюскина, чтобы не разбить в этих условиях корабль. Он прекрасно справился со своей задачей и к утру следующего дня вывел «Якутск» из полосы тяжелых льдов.

Туман несколько рассеялся, и путешественники смогли обозреть берега. «По оном берегу не видали никаких промышленных людей, — эпически писал Челюскин, — и берега самые пустые и никто на оных берегах не живет и жить не у чего, понеже и мы посылали ялбот за дровами и

¹ Центральный государственный военно-морской архив, фонд Беринга, д. № 24, л. 36.

за водой и ничего не нашли, ни дров, ни воды»¹. Только вдали, на юго-западе, были видны высокие снеговые горы.

На льду все чаще появлялись белые медведи, с любопытством наблюдавшие издали за кораблем. Постепенно число их стало возрастать.

В воде мелькали иногда моржи и белухи. Смущало моряков исчезновение чаек, которые своими резкими криками напоминали о покинутой земле.

Челюскин внимательно следил за измерениями глубины, которая быстро увеличивалась. Около полудня лотлинь, длиной в 120 сажень, не достал дна.

Корабль вошел в сплошные льды. Сколько ни высматривали сигнальщики, нигде не было видно никакого прохода. Полузажатый льдинами «Якутск» несло уже не на север, а на северо-восток. Берег был далеко; на нем незаметно было признака жилья.

Корабль находился в это время на 77°29' северной широты; так далеко в этих местах еще никто не проникал на север. Было 19 августа 1736 г.

Фактически на корабле уже давно распоряжался Челюскин; Прончищев лежал больной и почти не вставал с постели.

В каюте больного командира собрался совет или «консилиум». Кроме Челюскина, явились все обер- и унтер-офицеры. Слабеющим голосом Прончищев предложил высказаться.

— Пройтить далее никак невозможно, — сказал он, — и дубель-шлюпка в великой находится опасности, чтоб не затерло льдом, и не благоразумнее ли ныне воротиться, зимовать, где пристойнее?

Все согласились с ним, говоря, что в местах, которых судно достигло, «столь великие стоят стужи, что человеку едва можно терпеть».

Решение вернуться было совершенно правильным, так как корабль не был приспособлен к зимовке во льдах и к тому же существовал риск, что льды начнут дрейфовать и увлекут с собою «Якутск».

Был составлен протокол, и все присутствующие подписались под ним.

Тотчас после совещания корабль повернул обратно.

Мороз усилился. Ветер совершенно стих. Наступил штиль. Море стало покрываться тонким льдом. «Была на воде великая шуга», — замечает Челюскин в своем рапорте. Надо

¹ Центральный государственный военно-морской архив, фонд Беринга, д. № 24, л. 37.

было торопиться; так как безветрие лишило возможности пользоваться парусами, оставался один выход — итти на веслах.

25 августа, когда уже подходили к устью Оленека, подул свежий ветер. Увы! Вместо пользы он принес мореплавателям вред, так как дул в сторону, противоположную той, куда они теперь направлялись.

Течение понесло льды и вместе с ними злополучный «Якутск» на север.

На корабле воцарилось уныние. Прончищев лежал на своей койке почти в беспамятстве. Кораблю нужен был капитан, который вывел бы его в устье Оленека или Хатанги на зимовку, короче говоря — спас бы его.

Все тяготы пали на штурмана Челюскина. Он был, как всегда, спокоен, бодр, и люди начали видеть в нем командира, могущего взять на себя бремя ответственности.

Воспользовавшись наступившей через день перемены ветра, Челюскин, поставив паруса и ведя искусно корабль между льдинами по открывающимся разводьям, вскоре вывел его к устью Хатанги. Однако здесь не было леса, столь необходимого для постройки зимовий, для отопления и для ремонта судна. К тому же посланные на берег матросы не обнаружили там «никакого жилища».

Челюскин приказал плыть дальше — к устью Оленека.

Когда уже подходили к Оленеку, вновь подул противный ветер, и «Якутск» несколько дней не мог войти в устье.

29 августа Прончищева не стало.

Челюскин формально принял команду над «Якутском».

2 сентября удалось, наконец, несмотря на противный ветер и мелководье, ввести корабль в устье Оленека. Еще четыре дня «Якутск» медленно двигался по реке и остановился у прошлогоднего зимовья.

6 сентября торжественно предали земле тело Прончищева. Спустя пять дней хоронили его жену, Марию Прончищеву. Образ ее незаслуженно забыт: без колебаний последовала она за мужем в края, куда не ступала еще нога белой женщины, безропотно делила со всеми трудности похода и, потрясенная смертью любимого человека, пережила его только на несколько дней¹.

В конце сентября Челюскин отправил в Якутск рапорт, а в половине декабря выехал туда же вместе с Чекиным. Он хотел, повидав Беринга, отправиться в Петербург для

¹ Могила Прончищева и его жены была обнаружена в 1875 г. Якуты называют это место Улакан-Крест, Могила была реставрирована, на ней воздвигнут памятник.

личного доклада, так как инструкция предусматривала приезд по истечении двух лет командиров кораблей для устного доклада. Но предположения его не осуществились.

Началось с того, что он не попал во-время к Берингу.

Челюскин выехал с Чекиным и двумя нижними чинами, везя, между прочим, с собою образцы руды, которую обнаружил Чекин в устье Анабары; 18 января 1737 г. они прибыли в Сиктахское зимовье и узнали, что накануне туда же приехал для сбора ясака приказчик Матвей Тарлыков. По видимому у Тарлыкова с Челюскиным произошла ссора. Во всяком случае, Тарлыков запретил «оленным» тунгусам и якутам везти дальше Челюскина. Все увещевания были напрасны.

Челюскину и его спутникам пришлось провести в Сиктахе (на Лене) пять месяцев. Только в июне 1737 г. они смогли продолжать свой путь и когда добрались до Якутска, то Беринга там уже не застали, он выехал на Камчатку.

Покидая Якутск, Беринг оставил для Челюскина предписание не ездить в Петербург, — «понеже Государственная Адмиралтейств-Коллегия и без тебя может рассмотреть о пути вашем».

СНОВА НА СЕВЕР

Тяжелые условия, в которых протекал рейс «Якутска», заронили в Челюскине сомнение в том, можно ли вообще достичь морским путем Енисея. В этом духе он и писал Берингу.

Как показал последующий опыт Беринговой экспедиции, обогнуть морем Таймырский полуостров на утлых, совершенно не приспособленных к плаванию в тяжелых льдах кораблях было чрезвычайно трудно. В 1737 г. ледовая обстановка как раз была очень благоприятна, но Челюскин не имел сведений о ледовой обстановке, а суровый опыт двухлетнего плавания с Прончищевым, естественно, располагал его к пессимистической оценке морского пути Лена — Енисей.

Однако в Петербурге отнюдь не были склонны отказаться от первоначального плана. Правительство было серьезно заинтересовано в успехе Великой северной экспедиции и стремилось, не считаясь с жертвами, добиться максимальных результатов.

Адмиралтейств-коллегия выразила Берингу недовольство медлительностью его действий и лишила добавочного жалованья.

На место умершего Прончищева был назначен другой начальник. Им оказался лейтенант Харитон Прокопьевич Лаптев.

Поступив на службу в 1718 г. гардемарином, Лаптев был произведен спустя восемь лет в мичманы. В 1734 г. его карьера чуть было не оборвалась вследствие того, что он был взят в плен французским кораблем (Франция поддерживала против России претендента на польский трон Станислава Лещинского), и возникло подозрение, будто он сдался в плен добровольно. Но судьба покровительствовала Лаптеву. В 1737 г. он уже командовал придворной яхтой «Декроне», а в конце этого года он вместе со своим двоюродным братом Дмитрием выехал из Петербурга в Якутск.

Харитон Лаптев должен был сменить Прончищева, а его двоюродный брат Дмитрий Лаптев — командира бота «Иркутск» Ласиниуса, погибшего, подобно Прончищеву, от лишений во время плавания.

Харитону Лаптеву адмиралтейств-коллегия поручила повторить попытку Прончищева. Учитывая, однако, неудачу Прончищева и мнение Челюскина, коллегия оговорила: «Когда же при всех усилиях того сделать будет невозможно, то осмотреть и описать тот мыс берегом».

Весь 1738 г. был затрачен Лаптевым на переезд в Якутск, на ремонт дубель-шлюпки, которую привел с Оленека боцманмат Медведев.

С наступлением 1739 г. экспедиция стала готовиться к отплытию. Маршрут был намечен в общем тот же, которым следовал Прончищев. Состав экипажа также мало отличался от прежнего состава.

9 июня дубель-шлюпка «Якутск» снялась с якоря.

Посылая Харитона Лаптева, адмиралтейств-коллегия снабдила его широкими полномочиями. Ему предоставили право обращаться со своими требованиями непосредственно к сибирской администрации, и он неоднократно использовал это право. Так, он обратился к иркутским властям с ходатайством, чтобы для него заготовили оленей и собак на случай, если придется прибегнуть к описи берегов по сухопутью; кроме того он потребовал отправки из устья Оленека в устье рек Анабары, Хатанги и Таймыра по две семьи (в каждое устье) местных жителей. Эта просьба объяснялась тем, что Лаптев учитывал возможность зимовки в одном из названных мест и хотел наладить там рыболовство. Иркутская канцелярия обещала удовлетворить его требования.

Лаптеву удалось получить гораздо лучшее снаряжение для экспедиции, чем то было при его предшественнике. Ему передали новый такелаж, присланный из Казани, а также хороший инструмент для постройки лодок, вручили большой за-

пас «подарочных» вещей и т. д.¹ Выдали даже — исключительная щедрость по тому времени — жалованье за два года вперед.

Словом, энергичный и распорядительный Лаптев, пользовавшийся к тому же компетентными указаниями своего штурмана, постарался основательно подготовиться к плаванию.

На борту дубель-шлюпки «Якутск» в момент ее отплытия находилось сорок пять человек. Многим из них не суждено было вернуться...

До устья Лены шли без приключений.

21 июля 1739 г. «Якутск» вышел западной (Крестяцкой) протокой в море. Харитон Лаптев, сам отличный моряк, имел случай здесь видеть в полном объеме искусство своего штурмана. Около Крестяцкой протоки начались подводные пески, вклинившиеся на семь миль в море. Даже легкая рыбацья лодка не могла бы пройти здесь из-за мелководья. Оставался узкий извилистый фарватер, малейшее отклонение от которого грозило кораблю опасностью сесть на мель. Но Челюскин уверенно провел «Якутск» опасным фарватером.

Лаптев и Челюскин построили в этом пункте из сплавного леса высокий маяк в семь сажен вышиной.

Следовавшие за дубель-шлюпкой дощаники были отпущены обратно, кроме одного, на который был погружен весь провиант. Лаптев отправил этот дощаник вдоль берега к устью Оленека с приказанием организовать там продовольственный склад.

«Якутск», обгоняя дощаники, взял курс на запад. До Оленека море было свободно от льда, и через три дня путешественники увидели устье этой реки. Здесь, как отмечал в своих записках Лаптев, «в зимовьях живут русские промышленники, издавна, семей около 10, которые через жен своих соединились многие с новокрещенными якутами и на их природу и обычаи схожи».

Миновав устье Оленека, корабль попал в очень трудную ледовую обстановку. Со всех сторон напирали массивные льдины. По выражению одного из членов экспедиции, корабль «постоянно, почти непрерывно боролся с ними, нередко сдавливаемый до того, что теряли надежду на спасение, пробираясь то на парусах, то на веслах, распахиваясь шестами, и даже окальваясь иногда пешнями², нередко удерживаемый на одном месте по несколько суток».

¹ Х. Лаптеву был, между прочим, дан для навигационных измерений редкий в то время прибор: «сухопутный квадрант».

² Пешня — толстые железные четырехгранные палки с заостренными краями.

Но вот позади осталось и устье Оленека. Еще четыре дня плавания — и перед экипажем «Якутска» открылась губа Нордвик. Она была покрыта плотным льдом, на котором резвилось множество песцов. Поодаль степенно ходил белый медведь.

Посовещавшись с Челюскиным, Лаптев решил сделать здесь остановку, чтобы произвести хоть краткие изыскания. Геодезист Чекин был послан на берег. К вечеру он вернулся, и «Якутск» двинулся дальше.

Однако едва прошли несколько верст, как попали в полосу движущихся льдов. Лаптев и Челюскин всю ночь простояли на палубе. Корабль ускользал от громадных льдин, сталкивавшихся со страшным грохотом и грозивших расплющить казавшееся миниатюрным в сравнении с ними судно. Опасность была так велика, что Лаптев, скрепя сердце велел держать курс к берегу.

Здесь, в образовавшейся естественной ледяной бухте, мореплаватели «спасение с великим трудом получили».

Челюскин даже в эти критические минуты не прекращал обычных измерений. Он определил, что корабль находится на $74^{\circ}10'$ северной широты.

Пять дней отстаивались в ледовой бухте. Затем открылась возможность продолжать путь.

6 августа достигли Хатангской губы. Близ восточного берега губы находился остров Св. Преображения. На западном берегу губы виднелись строения.

Челюскин, взяв с собой Чекина и двух матросов, сошел на берег.

Замеченное ими строение оказалось зимовьем промышленника Василия Созоновского, безмерно обрадовавшегося неожиданным гостям.

Челюскин и Чекин добросовестно обследовали местность. Они обнаружили, что в Хатангскую губу впадают реки Балахна и Хатанга; в Хатангу, в свою очередь, впадает река Попигай. На Хатанге промышляли рыбу, песцов и оленей.

Между тем, с корабля стали подавать уехавшим сигналы о скорейшем возвращении. Повторилась обычная история: на корабль со всех сторон напирала льдины, ежеминутно грозя раздавить его. От этих колоссальных глыб, пригнанных с океана северным ветром, нельзя было отпихнуться шестью. Взвесив обстановку, командир и штурман «Якутска» решили снова отсиживаться в каком-нибудь природном укрытии.

Дубель-шлюпка двинулась внутрь Хатангской губы и там на широте $74^{\circ}42'$ втянулась в устье мелководной речки.

Льдины тесно заложили выход из речонки. Через несколько дней ветром развело лед, и судно под парусами двинулось дальше. Вскоре показался каменный утес, на котором местами белел камень, подобный алебастру. Это был мыс Св. Фаддея.

Челюскин на ялботе направился к берегу. Приказав матросам копать яму для высокого, в полторы сажени, маяка, он сам в сопровождении Чекина быстро двинулся вдоль берега. К вечеру они вернулись обратно: везде были сплошные тяжелые льды. На то, чтобы пробиться, не было никакой надежды.

Решено было зимовать; но так как возле мыса Св. Фаддея не было удобной стоянки, постановили повернуть обратно, к Хатангской губе.

Обратный путь «Якутска» был не менее труден, чем тот, который уже был проделан. Льды преследовали корабль. С каждым днем все больше чувствовалось дыхание зимы. Все же удалось обмануть стихию — 29 августа вошли в Хатангскую губу.

ГИБЕЛЬ «ЯКУТСКА»

Для зимовки было выбрано место в устье речки Блудной: тут имелось зимовье оседлых тунгусов. Определили широту: 72°56'.

В средних числах сентября река начала замерзать и 25-го совсем покрылась льдом. 11 ноября в последний раз блеснул луч солнца, и светило скрылось на два с лишним месяца.

Экипаж «Якутска» перебрался на берег в построенную из сплавного леса избу. Провиант завозили от устья Оленека из выгруженных там с дощаника припасов. Кое-что давала охота и (со вскрытием вод) рыбная ловля.

В зимовье было тепло: менявшиеся каждую неделю дежурные жарко топили печь. Так как плавника нехватало, матросы ежедневно ходили в лес за дровами; итти приходилось несколько верст, и это невольное упражнение хорошо предохраняло от «цынготной болезни».

Лаптев, Челюскин и геодезист Чекин ездили по окрестностям, производя наблюдения. Лаптев писал о Хатанге: «По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершины от 72° ширины и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, но больше оленями, которых промышляют по плаву через реку, осенью, когда идут олени с моря в лесные места, и весною, когда таже на плаву, идут от комаров из лесных мест к морю и к озеру Таймурскому в тундренные чистые места. По сей

реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольнее. Собою песцы большие. Изредка промышляют волков белочёрных и белых; только не много их... На сей реке находится много морского ладону: цвет и дух имеет как янтарь, но токмо крошек.

В октябре месяце на реку Пясингу был командирован боцманмат Медведев, чья распорядительность и энергия не вызывали сомнений. Вместе с одним солдатом Медведев должен был осмотреть устье реки и описать берег к востоку — вплоть до устья Таймыра. Однако попытка эта не увенчалась успехом: спустя семь месяцев посланные вернулись, сообщив, что вследствие сильной стужи и ветра они продвинулись только на 40 верст.

За несколько недель до возвращения Медведева, в марте 1740 г., из зимовья выехал Чекин. Он намеревался достичь устья Таймыра и оттуда идти, описывая берег, к Пясинге, навстречу Медведеву. Вместе с Чекиным ехал якут, проживавший в устье Таймыра, хорошо знавший климатические и топографические условия. Они выехали на двух нартах, запряженных собачьими упряжками; на семи таких же нартах тунгусы везли провиант для себя и, кроме того, для перевозки дров были наняты два «оленьих» тунгуса с семнадцатью оленями.

Тунгусы вскоре вернулись «за бескормицею», потеряв в пути семь оленей. Чекин воротился 17 мая, оставив в дороге большую часть отощавших собак и нарты, и доложил, что он добрался до устья Таймыра, прошел к морю, а отсюда вдоль берега на запад. Он прошел 100 верст к югу от Северо-западного мыса (ныне мыс Лаптева, на 76°22' северной широты), но достичь Пясинги не мог.

Зима была на исходе. Экипаж хорошо перенес ее, заболеваний было немного, да и те окончились благополучно. Только один матрос умер, да и то от «дурной болезни». Все же холод, скудное питание и тяжелые условия существования вызывали среди команды ропот. Не один раз до Лаптева доходили «неистовые и нерегулярные слова» какого-нибудь солдата или матроса. Отличный администратор, умевший ладить с подчиненными и с начальством, Лаптев в таких случаях был очень суров. Малейшее ослабление дисциплины жестоко каралось им, «смирялось кошками» (ременная многовостая плеть).

С приближением долгожданного лета начались усиленные приготовления к новому плаванию. В устье Таймыра был отправлен один русский промышленник, вызвавшийся заготовить там рыбу для участников экспедиции. Посылались гонцы

в Якутск, в Мангазейск (старинное название Туруханска), в устье Лены.

Руководители экспедиции всесторонне обсуждали план дальнейших действий. Лаптеву очень хотелось еще раз попытаться обогнуть Таймырский полуостров морем, но он вынужден был согласиться с доводами Челюскина, который на основании своего богатого опыта еще настойчивее, чем прежде, советовал отказаться от этого плана и сосредоточить усилия на сухопутных исследованиях. Дважды пытался Прончищев пройти морем, напоминал Челюскин, и дважды «Якутск» вынужден был отступить перед льдами. В 1739 г. повторилось то же. Иначе и быть не могло: дубель-шлюпка была слишком мало приспособлена к плаванию в тяжелых ледовых условиях.

В конце концов Лаптев сдался. Было решено вернуться в Якутск и подготовить поход на собаках.

Хатанга вскрылась 15 июня. Однако носившиеся по реке льдины не давали возможности покинуть стоянку. Лишь 12 июля 1740 г. «Якутск» снялся с якоря, но вскоре вернулся обратно. Еще раз пробовали войти в губу — и опять грохочущие, сталкивавшиеся между собой льдины заставили вернуться. 30 июля, наконец, «Якутск» вышел в Хатангскую губу и направился к устью Лены.

Полярная стихия, казалось, решила не выпустить отважных людей из своих губительных объятий. Льды теснее прежнего обступили корабль. Впоследствии исследователь Бельчер писал, находясь в аналогичном положении: «Чем дольше я наблюдал за движением этих масс, тем более убеждался, что всякий, кто осмелится здесь удалиться от твердой земли, по всему вероятно неизбежно погибнет».

Снова пришлось распахиваться шестами и окалываться многогранными, заостренными на концах массивными пешнями. Время от времени «Якутск» получал сильный удар в борт, от которого стонали мачты и растворялись двери в каютах. Порывы северного ветра принесли тучи густого снега, облепившего палубу и снасти.

13 августа, месяц спустя после отплытия с места зимовья, когда «Якутск» уже находился в устье Хатангской губы и обессиленная команда поверила в возможность скорого отдыха, надвинувшиеся льды с такой силой сжали корабль, что выломали у него форштевень и пробili подводную часть.

Лаптев с частью матросов бросились откачивать воду и заделывать пробоину, Челюскин, не отходя от штурвала, управлял разбитым кораблем. В продолжение шести дней матросы не сменяясь работали у помп, но воды в трюме стано-

вилось все больше. Чтобы облегчить корабль, выбросили за борт пушки¹ и все тяжелые вещи. Потом стали выгружать на лед запасы провизии.

Все было напрасно: «Якутск» медленно погружался.

«В сем бедственном положении мореплаватели, находясь в удалении от берегов, носимые во льдах ветрами и течением, предались совершенному отчаянию и ожидали томительной смерти»².

Но тут нашелся неожиданный союзник: внезапно наступивший сильный мороз сковал все полыньи, и вскоре образовался сплошной ледяной покров.

Несколько человек из экипажа были отправлены в ледовую разведку: им поручили сойти на тонкий, молодой лед и попытаться достичь берега. Предполагалось, что берег находится верстах в двадцати к югу от корабля.

Кучка отважных людей двинулась, перепрыгивая через попадавшиеся полыньи, ежеминутно рискуя провалиться. Иногда на их пути встречались настолько обширные полыньи, что приходилось переплывать их на небольших льдинах, используемых в качестве плота. В конце концов они благополучно добрались до берега.

Мороз усиливался. Через три дня море покрылось твердым надежным льдом.

Так как оставаться дольше на корабле было невозможно, Лаптев распорядился выгрузить провиант, а затем вся команда сошла на лед. Первую ночь провели без огней, без костров, прямо на льду. Потом двинулись к берегу, и через полутора суток изнурительного, тяжелого пути добрались до суши.

С помощью нескольких приведенных с собой собак экипаж привез плавник, выстроил юрты и впервые за три дня получил возможность обогреться и обсушиться.

Немедленно начались экспедиции по льду за пятнадцать верст к тому месту, где лежал выгруженный с «Якутска» провиант.

Итти по льду с тяжелыми тюками было очень трудно, однако никто не роптал; для всякого была очевидна тяжесть создавшегося положения и то, что каждый мешок муки может спасти от смерти его самого и его товарищей.

Не успели закончить переноску провианта, как подул свежий ветер. На глазах у мрачно смотревших людей застрявшую во льдах полузатопленную дубель-шлюпку и, главное, льдину с оставшимися запасами унесло к северу.

¹ Пушки имелись в всех кораблях экспедиции ввиду возможных столкновений с чукчами.

² «Записки Государственного адмиралт, департамента».

Было 31 августа 1740 г.

Лаптев и Челюскин подсчитали скудные запасы и принялись обсуждать положение. Оно было тяжелым: среди команды имелось много больных. Вообще настроение матросов и солдат внушало серьезные опасения; они дошли до такой степени отчаяния и усталости, когда все становится безразличным. Сплошь и рядом приказания начальников не выполнялись.

Челюскин старался воздействовать уговорами, но властный Лаптев решил предпринять иные меры. Вооружив нескольких матросов, на которых он мог положиться, он велел схватить наиболее непокорных и жестоко выпороть их девятихвосткой.

Дисциплина была восстановлена.

После краткого совещания решено было идти в Хатангскую губу к прежней зимовке. Там остались кое-какие запасы, место было обжито и знакомо.

Не теряя времени, двинулись в путь. Собак было очень мало, ящики с сухарями и другой груз тащили на себе. Сперва шли беспрепятственно, люди повеселели.

Но вскоре на пути полярников возникло непреодолимое препятствие: бурная речка, по которой плыли довольно большие льдины. Переправиться через нее оказалось невозможным. Несколько солдат пошли искать плавник, годный для постройки плота, но поиски их были безрезультатны.

Пришлось вернуться обратно.

Команда не проявляла явных признаков возмущения, но настроение резко упало. Все хуже переносили стужу, от которой почти не было укрытия, тяжелую, непосильную работу и необходимость довольствоваться голодным пайком.

Целый месяц ушел на изготовление средств переправы. Кое-как удалось соорудить дощаники; партия снова тронулась в путь и перебралась, наконец, через реку. Через пять дней после этого достигли зимовья «Конечное», принадлежавшего промышленнику Созоновскому. Там немного подкрепились, отдохнули и в середине октября пришли к прошлогоднему зимовью.

Путь от места крушения до Хатангской губы был очень тяжелый. Шли тремя партиями; больных перевозили постепенно, оставляя их сперва на месте крушения, затем в «Конечном». Только в первых числах ноября все больные были доставлены в Хатангскую губу. Впрочем, не все: четверо умерли в пути¹.

¹ В «Записках Государственного адмиралт. департамента» сказано, что умерло 12 человек, но более правильной представляется цифра, приводимая А. Соколовым (4 человека).

Из Хатанги Лаптев отправил в адмиралтейств-коллегию два очень любопытных документа. После подробного сообщения о работах экспедиции, после характеристики трудностей поездок по безлюдным местам, где нет даже «коленьева корма» и можно найти только «с великою нужною малое число гнилых дров для малого обогрения», лейтенант Лаптев заявляет, что с апреля месяца «предбудущего» года (1741) экспедиция возобновит описание Таймыра. К этому донесению приложено «Мнение», под которым, кроме Х. Лаптева, подписались еще Челюскин, боцманмат Медведев и геодезист Чекин.

«А удобность время ко описанию, — говорится в этом «Мнении», — иного быть не может, как начать описывать с апреля месяца предбудущего 1741-го году на собаках зимним путем, а состояние льдов и глубины заливов и рек описывать иного времени по здешнему климату невозможно как начать с июня и провождать июль и август месяцы, усматривая их состояние, ибо во оное время видно было и прошлых компаний до описных нами мест льды ломает как и на море так и в губах и реках, а протчая времена стоят».

О том, чтобы построить новый корабль, не могло быть и речи. Да и навряд ли Челюскин с Лаптевым стали бы еще раз пытаться обогнуть Таймыр морем. Адмиралтейств-коллегия, убедившись их доводами, дала согласие на то, чтобы идти в глубь неизведанной страны сухопутным путем. В журнале адмиралтейств-коллегии от 1741 г. имеется ответ, посланный Х. Лаптеву на его донесение.

«Слушав экстракта, учиненного на полученный из камчатской экспедиции от флота лейтенанта Харитона Лаптева рапорт, которому показано, что минувшего 740 года имел он поход морем к западу и был до ширины 74 градусов 30 минут, а какие в том походе от частых носячих и стоячих льдов происходили трудности и самые препятствия, и что оными льдами определенное ему судно дубель-шлюпку истерло, и стало-быть безнадежно, которое с консилиума унтер-офицеров оставили во льду и отнесло в море к 050, а он с командою берегом пришли на реку Чатонгу октября 15 дня в жилые зимовья; и в том пути от великих стуж и мятелей, также и от пустоты претерпевали великую трудность и едва не все были одержимы цынготною болезнию, от которой несколько служителей померло, а за теми невозможностями морской берег не описан, которого меж реками Хатангою, Песингою и Енисеею и на судне описывать в летнее время никак невозможно, кроме зимнего пути, на собаках, чего ради долженствует описывать с апреля месяца нынешнего 741 го-

да, чтоб все время не прошло, и ежели выедет на реку Енисей, тут будет ожидать от коллегии указа, чтоб ему впредь ко исполнению и команде чинить повелено будет, и о том коллегиею имели рассуждение: хотя по данной ему Лаптеву инструкции и посланным указам и надлежало назначенный ему поход исполнить морем, но точию того морем прохода за показанными от льдов препятствиями, как оный же Лаптев представляет, а паче за повреждением льдами судна, которое уже отнесло в море, того исполнить конечно невозможно, приказали: с присланным от него матросом послать указ и велеть описание от реки Хатанги до Енисейского устья учинить, по объявленному его мнению, сухим путем»¹.

Таким образом, намерение Лаптева и Челюскина сосредоточить все усилия на сухопутном способе передвижения было санкционировано.

Зима прошла в приготовлениях. Весною 1741 г. началось решительное наступление на Таймыр.

МЫС ЧЕЛЮСКИНА

Наступил последний этап путешествия, самый ответственный и, как показали события, самый результативный. Особенностью этого последнего периода, когда экспедиция совершила свои самые замечательные открытия, было, между прочим, то, что главную роль в них играл Челюскин. Ему, преимущественно, принадлежат заслуга и честь проникновения в наиболее отдаленные и трудно достижимые уголки североазиатского побережья.

Сухопутные экспедиции было решено вести тремя наибольшими группами; весь остальной экипаж должен был отправиться в Туруханск.

В основные пункты, где надлежало произвести «обсервации», были заблаговременно отправлены «подводные нарты» с провиантом для людей и кормом для собак (12 нарт к устью реки Таймыр и 7 нарт к Таймырскому озеру). Исследовательские группы должны были возглавить Лаптев, Челюскин и Чекин.

Челюскин вышел первым. 17 марта 1741 г. он отправился к устью Пясины; в его распоряжении имелись 3 нарты и 2 солдата. Намерение Челюскина состояло в том, чтобы, достигнув устья, двинуться берегом вокруг Северо-западного мыса в восточном направлении—вплоть до устья реки Таймыр.

Пять недель спустя после его отъезда уехал Чекин на

¹ «Материалы для истории русского флота», ч. IX, 1882, стр. 71.

3 нартах с двумя сопровождающими. В то время как Челюскин взял на себя описание берега между Пясиной и Таймыром, Чекину поручалось описать пространство между Хатангой и Таймыром.

Двумя днями позже Чекина выехал и сам Лаптев, направившийся прямо к устью реки Таймыр.

Таймырский полуостров был некогда покрыт морем. «Таймырский край был дном моря, — сообщает академик Миддендорф. — На нем находят раковины. Весь северный берег Сибири постепенно поднимается из Ледовитого моря, образуя плоскую отлогость, так спускающуюся под уровень воды, что казаки часто спасались от гибели оттого, что лед был на мели, а они проплывали между ним и берегом. На берегах плавник — называемый адамовщиной или ноевщиной. К лесам речная система Таймырского края нигде не подходит. Значит, это наносы других рек, занесенные илом у берегов».

Такие естественные условия вызвали преобладание на Таймырском полуострове суровых морозов и частых непроницаемых туманов.

В северной части полуострова уже при ветре скоростью около 4 м в секунду начинается поземок, а при скорости ветра 8 м в секунду возникает низовая метель. Нередко бывают на полуострове ветры скоростью 35 м в секунду. Западный ветер сопровождается некоторым повышением температуры, однако несет с собой мокрый снег, облепляющий лица путешественников и морды собак, затрудняющий дыхание и застилающий глаза. Восточной ветер сопровождается резким похолоданием.

То время года, когда Челюскин и его товарищи вышли из Хатангского зимовья — весна, — таило в себе еще одну опасность для путников. Солнечные лучи, отражаясь на белом снежном покрове, ослепляли глаза и вызывали воспаление, причинявшее жестокие боли. Наряду с этим на Таймыре весной крайне затруднено передвижение, потому что снеговой наст разрыхляется, делается вязким и трудно проходимым.

Наконец, самый рельеф местности здесь очень неблагоприятен для поездок: между горными вершинами лежат пологие долины, перерезанные каменистыми ложами речек и ручейков. Часто встречаются болотистые участки. Приходится делать частые объезды, сворачивать с пути.

Населения на полуострове почти нет, нельзя рассчитывать на приют и помощь; запасы провизии можно пополнить только посредством трудной охоты на медведей и оленей.

Все эти обстоятельства создают очень трудные условия

для путешествия весной по Таймыру и в настоящее время; тем большую роль играли они два века назад, когда не было ничего известно о климате и рельефе местности, не были изучены метеорологические условия, не были известны часто элементарные вещи из области естествознания.

Неумение обезопасить себя от трудностей пути вскоре сыграло роковую роль для Чекина; он и бывшие с ним солдаты и якуты ослепли от стужи и режущего блеска солнечных лучей на снегу. Они принуждены были вернуться, доехав до $76^{\circ}33'$ северной широты.

Челюскин медленно, но упорно продвигался по своему маршруту. На равнине там и здесь попадался оледенелый мох, образовавший волнистые неровности. На подветренной стороне неровности достигали 3 футов в высоту.

Тундра походила на ослепительное снежное море с пенящимися бурунами.

То и дело земля окутывалась непроницаемой завесой тумана. Волны тумана лились с севера к югу. Сквозь густую, колышущуюся вуаль виднелись странные, необычайные пейзажи: скалы, зубчатые вершины, террасы. Спутники Челюскина долго не могли увериться, что все это только мираж.

От солнца к земле как бы спускался легкий воздушный столб, расширяющийся у горизонта. Было так, словно из-под земли светит колоссальная лампа, и тусклый свет ее напоминал свет фонаря в парной бане.

Иногда в тумане рождались побочные солнца: их можно было отличить от настоящего светила, стоявшего над ними, потому, что свет их слабее.

Луна появлялась иногда, увенчанная радужными цветами; от нее лилось ровное, таинственное зеленоватое сияние.

Скрипели полозья нарт, три человека шли на лыжах. Под ними был снеговой покров почти в 8 футов глубиной. Старожилы уверяли, что кое-где глубина снега доходит в разгар зимы и до 14 футов.

Однажды экспедицию застиг буран. Утром небо было синее, но к горизонту густо спускались скученные белые облака. По земле несло полосами рыхлый снег. Сверху снег не падал. Став спиной к солнцу, Челюскин увидел светлое облачко, взвившееся к небу в виде столба и незаметно сливавшееся с облегавшим небо венцом облаков.

Облака спускались видимо для глаз. Начавшаяся над землей слабая метель усиливалась, перешла и в верхние слои атмосферы. Ветер срывался бешеными порывами, подымал тучи снега и взвевал его в воздух; сделалось так темно, что трудно было различить стоявшего рядом человека.

Вскоре нельзя было держаться на ногах. Снежный поток хлестал со всех сторон, не позволял открыть глаза, не давал перевести дыхание. Моментами людям казалось, что они задыхаются.

Потом ветер стал стихать, вокруг прояснилось. Измученные люди и животные тяжело дышали.

Челюскин приказал двигаться дальше.

Между тем как Челюскин в таких условиях производил свои наблюдения, Лаптев, отправив почти всю команду в Туруханск, выехал к устью Таймыра, отправился оттуда на восток, но там, подобно Чекину, заболел временной слепотой. С «перебитыми» от ветра, света и дыма в юртах глазами он вернулся в устье реки. Оправившись немного, он поехал на запад и 1 июня встретился с Челюскиным, медленно передвигавшимся на обессиленных собаках.

Вместе с ним Лаптев продолжал дорогу к Пясине; достигнув этого конечного пункта своей экспедиции и производя последние наблюдения, Челюскин вместе с Лаптевым отправился в Туруханск.

Теперь северное побережье Таймырского полуострова было почти целиком описано. Оставался один только пункт — недостижимый северный Таймырский мыс, или, как его иначе называли, Северо-восточный мыс.

Кому-то из смертельно усталых от непрерывной многолетней борьбы с севером людей нужно было снова отправляться в тундру.

Выбор пал на Челюскина. При всей своей энергии Лаптев не считал себя, видимо, в силах взяться за осуществление этой задачи, не считал себя подготовленным к труднейшей из всех экспедиций. Только Челюскин мог выполнить это предприятие.

В декабре 1741 г. Семен Челюскин выехал из Туруханска.

Мороз достигал 50° по Реомюру. Ртуть в термометрах цепенела, ее можно было разбить и ковать. Железо становилось хрупким и при ударе брызгало осколками, точно стекло. Дерево, напротив, делалось вследствие наличия в нем влаги очень твердым, гораздо крепче железа; колоть можно было только совсем сухое дерево.

Челюскин и его немногочисленные спутники медленно двигались по застывшей тундре. Далеко разносился скрип нарт.

Выдыхаемый людьми и животными воздух тотчас сгущался в туманную массу, вроде вуали. Это природное защитное приспособление облегчало дыхание и предохраняло легкие.

Даже за птицей тянулась иногда эта легкая туманная полоска; олени стада были окружены плотным облаком.

Если мороз не сопровождался ветрами, он переносился все-таки гораздо легче. Но при ветре он делался нестерпим. Однажды Челюскину пришлось пересекать широкое ущелье, в котором дул резкий ветер. Невообразимый холод обьял путников. Он жег лицо, кожа стянулась и растрескалась, было такое ощущение, будто кожа стала тесна для тела. Из образовавшихся трещин выступила кровь; густой слой крови и грязи покрыл пораженные части лица, предохраняя его от дальнейшего изъязвления. Потом, в жилье, этот слой отпал вместе с омертвевшей кожей.

Когда Челюскин и сопровождавшие его солдаты, много времени спустя, получили возможность обогреться в юрте, они сперва не могли оставаться в тепле, даже раздевшись до рубашки: ими овладевало мучительное чувство невыносимых приливов крови. Пришлось разбить палатку и постепенно привыкать к теплу; лишь через неделю они смогли поселиться в жилье.

Однако ни ледяная стужа, ни выюги, ни бураны не могли помешать Челюскину. Медленно, но неуклонно он продвигался вперед. Резкий скрип нарт на мерзлом снегу нарушал великое безмолвие тундры. На горизонте мелькали, то исчезая, то снова появляясь, силуэты крупных белых волков.

В конце февраля Челюскин достиг устья Хатанги. Отдохнув у проживавших на реке Попигай промышленников, он в начале апреля двинулся дальше.

«Сего числа пополудни в 9-м часу отправился штурман Челюскин из Попигайских зимовей около моря на трех нартах», — указано в путевом журнале С. И. Челюскина.

Этот журнал представляет собою примечательный документ, ярко характеризующий необычайные волевые качества и выносливость Челюскина. Записи в журнале полны сдержанных указаний на тяжелые метеорологические условия, в которых протекала его экспедиция даже в апреле — мае, на последнем этапе: «Погода пасмурная... Погода мрачная... Погода пасмурная со стужею... Снег и туман». Наряду с этим в дневнике то и дело встречаются скупые указания на отсутствие плавника, вследствие чего нельзя на привалах обогреться, и на крайнее изнурение собак.

Об усталости людей в путевом дневнике не говорится. Челюскин деловито отмечает в своих записях пройденное за день расстояние — и остается только удивляться невероятной энергии полярников: дневные переходы выражались в 31, 49, 58 и даже 61 км. В полярных условиях это большой переход даже для свежей партии, в изобилии снабженной всем

необходимым. Если же учесть условия, в которых приходилось совершать свой путь Челюскину, то темпы его продвижения нельзя не назвать поразительными. В дневниковой записи от 4 мая имеется, например, указание, что утром «погода пасмурная со стужею, туман велик, что ничего не видно», днем — «снег и туман, метель великая, так что ничего не видно». Казалось бы, куда уж тут двигаться изголодавшимся помороженным людям, имеющим в своем распоряжении три упряжки вконец ослабевших собак! А между тем в этот день было пройдено 30 км.

Как бы велика ни была стужа, как бы слабы и больны ни были люди и животные, всякую запись в дневнике Челюскин неизменно кончает бодрой фразой:

— Поехали в путь свой!

1 мая Челюскин достиг мыса св. Фаддея. Отсюда он повел опись берегов по направлению к Северо-восточному мысу.

По пути занимались охотой; иногда Челюскин выезжал в море. «Наехали медвежий свежий след, где на корге остановившись и склав одну нарту поехали в море по оному следу и наехав четырех медведей белых, из которых одного убили, а ездил сам с одним солдатом в море близь 18 верст».

Изо дня в день ведет Челюскин подробную запись всего случившегося и всего виденного¹.

«Берег каменный, приярый, в одной версте от берега небольшой каменный островок... Сделав 3 версты к... приехали на коргу, на которой нашли лесу малое число², и то старых годов, который с нуждою годен на дрова... 25 верст по излучинам, более между NtW и NtO; берег высоты средней, глина и мелкий камень; льды гладкие и так видно, что не ломает никогда. Приехали к невысокому мысу, от которого к W на $\frac{1}{2}$ версты виден небольшой каменный остров... Определили широту по полуденной высоте: $77^{\circ}27'$. Здесь льды гладкие; только от берегу в 6 верстах виден перелом шириною $\frac{1}{4}$ версты; и от оного залому торосов есть, а за ним паки лед гладкой и кажется не ломает».

И, наконец, 9 мая Челюскин делает по-обычному простую запись:

«Погода пасмурная, снег и туман; пополудни 5 часов поехали в путь свой около морского берега. Берег лежит показанному румбу. Здесь приехали к мысу. Здесь берег высоты средней приярый, земля глина, мелкий камень. Сей мыс

¹ См. «Записки гидрографического департамента», ч. IX, 1851, стр. 61—64.

² Речь идет, конечно, о наносном лесе.

Каменный припай, высоты средней, около одного льды глаткие и торосов нет. Здесь плавнику много. Оной мыс восточной северной мыс».

Итак, цель экспедиции была достигнута. Челюскин находился на крайней северной точке Азии. Он вновь определил широту: $77^{\circ}34'$. Кстати сказать, последующие астрономические определения почти полностью совпали с челюскинским. Норденшельд получил результат $77^{\circ}36'49''$ северной широты и $104^{\circ}17'$ восточной долготы.

В августе 1878 г., когда корабль Норденшельда «Вега» подошел к мысу, Норденшельд писал доктору Диксону: «Мыс Челюскин представляет низменную оконечность, разделенную на 2 части заливом. Горная возвышенность с медленно спускающимися склонами тянется от восточного берега параллельно береговой линии к югу... Внутрь страны отсюда, повидимому, медленно поднимается горная возвышенность, достигая 1 тыс. футов высоты. Как эта возвышенность, так и равнина были почти свободны от снега. Только кое-где виднелись большие белые снежные поля на горных склонах или в некоторых, более глубоких, узких трещинах равнины. У самого берега, однако, было еще немало льда».

«Здесьняя почва состоит из пластов глины, почти голых и растресканных на более или менее правильные шестиугольники, иногда же покрытых травой, мхом или лишайниками. Преобладающей горной породой являются вертикально расположенные пласты плитняка, богатые кристаллами серного колчедана. На крайней части мыса пласты плитняка перекрещивались огромными полосами кварца... Даже лишай были крайне однообразны, хотя и достигли отличного развития. Получалось впечатление, что растительность полуострова упорно стремилась продвинуться далее к северу, но, встретив море, остановилась на самом крайнем мысу».

«И, действительно, здесь на весьма небольшом пространстве можно было найти представителей почти всех видов растений, как явнобрачных, так и тайнобрачных, растущих на полуострове, и многие из них было бы тщетно искать далее вверх по равнине. Животная жизнь полуострова соперничала с растительной жизнью в бедности. Из птиц мы видели массу плавунчиков, несколько видов турухана, одну гагару, несколько гаг и одну горную сову».

Так выглядел мыс при посещении его Норденшельдом. Этот путешественник, воздавая должное беспримерному мужеству и упорству Челюскина, и предложил назвать мыс его именем.

После Норденшельда на мысе Челюскина побывал в 1893 г. Фритиоф Нансен, направлявшийся на своем «Фраме»

к Северному полюсу. В 1901 г. мыс Челюскина обогнул Толль. В начале первой мировой войны 1914—1918 гг. эти места посетил Вилькицкий на транспортах «Таймыр» и «Вайгач»; и, наконец, в 1918 г. мимо мыса прошел Р. Амундсен на шхуне «Мод».

С развитием советского полярного мореплавания угрюмый, пустынный мыс Челюскина оживился. Чуть ли не каждый год советские моряки огибают его. В 1932 г. здесь сооружена радиостанция. В 1934 г. были построены три павильона (магнитный, аэрологический и по изучению атмосферного электричества), помещения для зимовщиков, обширный собачник и пр.

По данным устроенной на мысе метеорологической станции, средняя температура здесь составляет:

Январь	— 25,5°	Июль	+ 1,2°
Февраль	— 22,2°	Август	+ 0,1°
Март	— 25,7°	Сентябрь	— 5,3°
Апрель	— 20,9°	Октябрь	— 10,0°
Май	— 15,2°	Ноябрь	— 25,0°
Июнь	— 1,7°	Декабрь	— 30,8°

Некогда неприступная твердыня Арктики теперь «освоена». Там, где двести лет назад Челюскин ценой невероятных усилий прокладывал первые следы на нехоженных дорогах, ныне советские вездеходы выполняют будничную работу.

...На крайней оконечности мыса Челюскин установил «маяк» — для этой цели он вез с собой специальное бревно.

Не задерживаясь на мысе, исследователь двинулся дальше по направлению к устью реки Таймыр. Лаптев выехал ему навстречу, но недостаток провизии и рецидив болезни глаз заставили его остаться в устье Таймыра, которого он достиг в начале мая после почти трехмесячного путешествия. Вместо себя он отправил к Челюскину солдата Хорошева и одного якута с запасами продовольствия.

15 мая, как отмечает Челюскин в своем журнале, произошла встреча, и «отсюда поворотили с морского берега через тундру на устье Таймуры».

В июле Челюскин и Лаптев приехали в Енисейск, а вскоре после этого Лаптев отправился в Петербург с отчетом.

Экспедиция была закончена. Один из труднейших участков северной трассы был добросовестно и тщательно описан¹. Цель, поставленная девять лет перед тем адмиралтейств-коллегией, была достигнута.

¹ Западный берег Хатангской губы и в значительной части берег между мысом Челюскина и устьем реки Таймыр до последнего времени наносятся по данным экспедиции Челюскина — Лаптева.

ТРУДЫ И ЛЮДИ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Многолетняя героическая эпопея, главным действующим лицом которой был Челюскин, может быть вполне оценена и понятна только в связи с деятельностью других групп, только в общем плане работ Великой северной экспедиции.

Первой, естественно, закончила работу самая западная группа, имевшая поручение обследовать берега от Архангельска до Оби. В 1734 г. из устья Северной Двины вышли два коча (длиной 54 фута): «Экспедицион» и «Обь». Командовали ими лейтенанты С. Муравьев и М. Павлов.

Вначале все шло отлично: Карское море оказалось свободным от льда, «чему кормщики и бывалые люди весьма удивлялись, ибо они от тех льдов всегда имеют нужду и пропадают много», — писал Муравьев.

Но вскоре начались неудачи. Ударили морозы, почти все участники экспедиции «пребывали тяжкими головными, грудными и цынготными болезнями, паче горячками больны». В результате кочи повернули обратно и зазимовали в Пустозерске (в устье Печоры).

В следующем году экспедиция возобновила плавание, но ледовая обстановка в Карском море теперь резко ухудшилась. Пришлось повернуть назад к Югорскому шару.

Во время этого плавания коч Павлова достиг широты $73^{\circ}11'$, а коч Муравьева $73^{\circ}04'$. Между командирами начались нелады. Муравьев жаловался, что Павлов ставит «себе за не малой авантаж предо мною в том, что его в нынешнюю кампанию случай допустил быть выше к полю (полюсу. — К. О.) 7 минутами». Оба лейтенанта очень обижали к тому же местных жителей, пьянствовали и в конце концов в 1737 г. были сняты адмиралтейств-коллегией «за многие непорядочные, леностные и глупые поступки» и отданы под суд.

Экспедиция не осталась безрезультатной: геодезист Селифатов, разъезжая на оленях вдоль побережья Ямала, производил опись и ставил «маяки». Был обследован весь восточный берег полуострова и часть западного.

Новым начальником экспедиции был назначен лейтенант Малыгин; в помощники ему дали лейтенанта Скуратова. Степан Григорьевич Малыгин был одним из лучших офицеров русского флота. Начав в 1717 г. службу в чине гардемарина, он написал в 1731 г. первое руководство по мореплаванию; впоследствии он был начальником штурманской роты. Как

человек Малыгин, однако, был очень несдержан, а с подчиненными жесток, ругал их «скверно всячески» и «головы ломал до крови».

Малыгин получил от адмиралтейств-коллегии предписание отправиться в плавание в то же лето (1736).

Плавание было возобновлено на тех же кочах. Помятый еще в предыдущих рейсах «Экспедицион» вскоре затонул. Малыгин перебрался на «Обь» и остановился подле Югорского шара в ожидании Скуратова, который доставил новые суда — боты «Первый» и «Второй». В августе вышли в Карское море, «держась более берегов, ибо в море, по надлежащему нам курсу, не малые льды видимы были, и пройтить было весьма безнадежно».

В сентябре достигли устья реки Кары и ввиду тяжелой ледовой обстановки зазимовали тут (69°48' северной широты). Питались рыбой и оленьей; так как этих запасов не хватало, Малыгин ушел с экипажем в город Обдорск, оставив 12 человек стеречь корабли.

Летом поплыли дальше. В начале августа вошли в пролив между Ямалом и островом Бельм (этот пролив назван Норденшельдом именем Малыгина), а 22 сентября достигли устья Оби.

Малыгин выехал из Березова в Петербург для отчета. Скуратов же повел боты обратно в Архангельск и через два года завершил свое путешествие. Один корабль потерпел крушение, и его пришлось бросить. Но все же Скуратову удалось подтвердить возможность плавания (на судах того времени) между Двиной и Обью.

К сожалению, научные результаты экспедиции Малыгина были не очень велики. По заявлению Ф. Литке, астрономические наблюдения были «сколь малочисленны, столь же и недостоверны, а берега... осмотрены были очень поверхностно».

В этом отношении наблюдения, произведенные Челюскиным, имели несравненно бóльшую ценность.

Описание берегов от Оби до Енисея было возложено на лейтенанта Овцына, имевшего репутацию одного из лучших морских офицеров.

В мае 1734 г. экспедиция Овцына вышла из Тобольска на двухмачтовой дубель-шлюпке «Тобол» длиной в 70 футов. Плавание было неудачное. Лишь к августу месяцу удалось достичь Тазовской губы. «Время наступало позднее, стужи

становились очень большими, на судне имелись повреждения, а удобное места для зимовки вблизи не виделось, да и недостаток запасов не позволял оставаться здесь зимовать», — гласит запись в корабельном журнале Овцына.

Повернули обратно и после долгого, трудного путешествия, во время которого судно часто садилось на мель и матросы, стоя по горло в ледяной воде, стаскивали его канатами, добрались до Обдорска. В следующем году плавание возобновилось. Сперва «Тобол» быстро продвигался вперед, увлекаемый ледоходом, но вскоре застрял в ледяном заторе и простоял три недели, ежеминутно рискуя быть раздавленным. Освободившись из ледовых тисков, корабль попал в другую беду: сильные противные ветры погнали его обратно.

В довершение неудач на борту появилась цынга. Из 56 человек экипажа 37 слегли, некоторые из них умерли. «Не видя теперь уже никакой возможности продолжать плавание, по сделанному с обер- и унтер-офицерами консилиуму, отсюда пошли в обратный путь».

Геодезист Прянишков остался описывать Тазовскую губу, остальные тронулись по уже дважды пройденной дороге в Тобольск.

Первоначально установленный адмиралтейств-коллегией срок 2 года пришел к концу. Овцын отправился в Петербург с докладом о своей неудаче: правда, описаны берега, но основная цель — достижение морским путем Енисея — не достигнута.

В Петербурге Овцыну приказали немедленно возобновить плавание. «А без окончания в совершенстве оной экспедиции возвращения не будет», — говорилось в данном ему наказе. Вместе с тем правительство широко пошло навстречу Овцыну в удовлетворении его требований: в Тобольске построили новый бот (получивший оригинальное название «Обь-почтальон»), в помощь ему дали опытных моряков — штурмана Минина и подштурмана Стерлегова, отпустили деньги на подарки кочевникам и т. д.

В 1736 г. Овцын пустился в плавание. Тяжелые льды заставили его зазимовать уже в Обдорске. Снова неудача! Но энергия Овцына не была сломлена. В следующем году он опять пускается в путь — и на сей раз счастье улыбается ему: летом 1737 г. была исключительно благоприятная ледовая обстановка. Плывая на только что отстроенном новом боте, Овцын в начале августа достиг открытого моря. «Вода здесь была весьма солона и горька, цветом темно-голубая, глубина 7 сажень», — записывал Овцын на широте $74^{\circ}02'$.

Пройдя Обскую губу, Овцын повернул к востоку, и 31 ав-

густа, «хотя через великие трудности», его бот вошёл в устье Енисея.

Поручив Минину заняться в 1738 г. описанием Таймырского полуострова, Овцын поехал с отчетом в Петербург. Он был окрылен успехом. В голове его роились планы новых больших походов. Но едва он достиг Тобольска, как был арестован¹.

Суд разжаловал Овцына в матросы и отправил его к Берингу. В 1741 г. Овцыну за усердную службу был возвращен чин лейтенанта.

С отъездом Овцына экспедицию возглавил штурман Минин. Он решил попытаться обойти Таймырский полуостров с моря. Три раза он пускался в плавание и все три раза не мог осуществить своей смелой попытки.

Результаты экспедиции все-таки оказались положительными, потому что один из ее участников, Стерлегов, проехал в 1740 г. на собаках часть Таймырского полуострова и произвел тщательные изыскания. Стерлегов достиг $75^{\circ}26'$ северной широты. Сделанное им описание Таймыра дополняет исследование Х. Лаптева и Челюскина, но, конечно, значительно уступает им по своему масштабу.

В то время как Харитон Лаптев вместе с Челюскиным исследовал берега к западу от устья Лены, его двоюродный брат Дмитрий Лаптев возглавлял экспедицию к востоку от устья. Появлению здесь Д. Лаптева предшествовала трагедия, одна из нередких трагедий в Арктике. Лейтенант Ласиниус, отправившийся в плавание одновременно с Прончищевым, в 1735 г., погиб во время экспедиции. Встретив тяжелые льды, полярники принуждены были скоро искать «отстойные места к зимовью». Зазимовали в устье реки Хараулах, всего в 130 верстах от устья Лены. Вскоре началась цынга. Ласиниус не хотел увеличить паек, рассчитывая растянуть запасы на два года. Не догадался он и заставить команду совершать побольше движений. В результате болезнь быстро распространилась. Первой жертвой ее пал сам Ласиниус, за ним геодезист Баскаков, поручик Полубородов и еще 33 человека. Оставшиеся в живых подштурман Ртищев, иеромонах и семь матросов с наступлением весны, бросив корабль, бежали в Якутск.

На место погибшего Ласиниуса был назначен Д. Лаптев.

¹ Проживая некоторое время в Березове, Овцын сдружился с семьей ссыльного князя И. А. Долгорукова. Однажды Овцын избил березовского канцеляриста Тишина, непочтительно обошедшегося с дочерью Долгорукова. Тишин послал донос в Тайную канцелярию, обвиняя Долгорукова и Овцына в государственной измене.

Уже в июле 1736 г. он вышел, по приказанию Беринга, из Якутска. Его постигли те же невзгоды, что и его предшественника. Пришлось зимовать; открылась цынга. Но Дмитрий Лаптев не растерялся. Он поил команду отваром из кедровых шишек, кормил ее сырой мерзлой рыбой, заставлял матросов ходить на охоту. Болезнь унесла только одного человека. Д. Лаптев приказал отвести бот «Иркутск» в Якутск для ремонта, а сам поехал с докладом в Петербург. Ему ответили так же, как отвечали всем участникам Великой северной экспедиции: надо возобновить плавание.

Только летом 1739 г. «Иркутск» вышел в новое плавание. Начались обычные беды: холод, голод, цынга. Подле устья Индигирки судно вмерзло во льды. Переправившись на берег, члены экспедиции тотчас принялись за описание берегов. Матрос Лошкин обследовал вплоть до Алазеи морской берег; штурман Щербинин и геодезист Киндяков — берега от Алазеи до Колымы. На следующий год описали берега реки Яны и Хромы.

Летом 1740 г. двинулись в обратный путь. Нужно было освободить застрявший во льдах «Иркутск». От чистой воды корабль отделял покров твердого льда длиною около версты. В помощь экипажу Лаптев нанял 85 туземцев, вооружил всех топорами и начал прорубать во льду канал. Три недели длилась эта необычайная работа, и, наконец, корабль был отбуксирован в чистое море.

Но испытания на этом не кончились: едва бот поплыл по морю, поднялся ветер, льды тронулись, и корабль оказался выброшенным на мель. Снова началась тяжелая работа: «Иркутск» разгрузили от всех тяжестей и, стоя по грудь в ледяной воде, начали веревками стаскивать его с мели. Чтобы облегчить корабль, с него сняли мачты, спилили бушприт.

Через две недели бот снова закачался на волнах. Д. Лаптев попрежнему держал курс на восток. Опять громадные льдины — «и, проходя те густые льды, часто ботом об оные стучались и в страхе были, что проломит от тех ударов; но нужда была нам из них выходить».

Добрались до Каменного Носа, но там встретились с такими тяжелыми льдами, что не было надежды пробиться сквозь них. Лаптев повернул обратно и зимовал в Нижнеколымске.

В следующем, 1741 году экспедиция двинулась на восток, но дальше Каменного Носа опять не могла пробиться. «Учinia консилиум, что за вышеобъявленными препятствиями пробиться на Камчатку невозможно, возвратились в реку Колыму и впредь на оное море ботом не выходить».

Однако неугомимый Лаптев не желал ограничиться до-

стигнутым. На 45 нартах он отправился в Анадырский острог и, построив там две лодки, описал в 1742 г. берега Анадыря до самого устья.

В 1743 г. Дмитрий Лаптев вернулся в Петербург.

В то время как Малыгин, Минин, Овцын, Прончищев, Челюскин, Ласиниус и Лаптевы пытались обследовать северное побережье Европы и Азии, сам Витус Беринг предпринял поход в Америку.

Карл Бэр называет этот поход пятым актом трагедии, в котором погибают все действующие лица.

Беринг был уже истомлен трудностями организационной работы, интригами и ссорами, в которых участвовали все видные члены экспедиции, сыпавшимися из Петербурга выражениями недовольства «медленностью» его действий. К этому надо добавить, что Берингу было уже около 60 лет.

Плавание Беринга должно было начаться в Охотске. «Место было новое и пустое, — писал Беринг, — и строения никакого еще не производилось, жить было негде, и лесов и травы в нем не растет и близко не имеется и все древесное... Служители строили офицерам покои, а себе избы и казармы; возили глину на себе и делали кирпичи; дрова для топления печей на себе таскают верст за шесть и за семь; воду пресную на свое употребление из реки возят на себе же расстоянием от того жилья версты по две и по три... и нарты делают сами; и провиант на себе ж возят».

В таких условиях велись приготовления к плаванию. Все нервничали, ссорились.

Наконец, была закончена постройка двух трехмачтовых пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел», и осенью 1740 г. все перебрались на них из Охотска в Камчатку. Ввиду позднего времени года пришлось остаться там на зимовку¹.

4 июня 1741 г. началось плавание к неведомым берегам Америки. Сам Беринг командовал кораблем «Св. Петр»; на другом пакетботе капитаном был Чириков. Спустя две недели корабли были разъединены штормом и продолжали путь врозь.

Во второй половине июля перед «Св. Петром» открылся берег (то был остров Каяк). Все были убеждены, что это и есть Америка. Академик Стеллер съездил на берег, добыл там семена незнакомых растений и собрал богатый материал для описания 160 видов растений.

¹ В это время Беринг заложил в Авачинской бухте город Петропавловск-на-Камчатке.

Беринг не решился, однако, задерживаться здесь и приказал тотчас же повернуть обратно на Камчатку. Какое-то странное волнение овладело этим опытным моряком. Он так торопился, что даже не позволил наполнить пресной водой все бочки, — обстоятельство, причинившее впоследствии много бед.

На обратном пути Беринг открыл один за другим Алеутские острова, но путешествие протекало неблагоприятно. Противный ветер относил корабль на восток. Начал ощущаться недостаток в продовольствии и пресной воде.

В конце августа скончался матрос Шумагин — первая жертва цынги.

На верхушках мачт вспыхивали таинственные языки пламени — результат перенасыщения атмосферы электричеством: эти «огни святого Эльма» страшно тревожили и пугали команду.

Корабль попал в полосу штормов. Паруса, которые не успели убрать, были разорваны в клочья, мачты сгибались. В трюме перекачивались от борта к борту тяжелые ящики, грозя разбить корабль. Управление кораблем было потеряно.

От жестокой качки умерло несколько больных.

Наконец, буря утихла, но, когда подсчитали уцелевшие бочки и ящики, то оказалось, что запасы воды и пищи ничтожны.

Вскоре из серых вод выдвинулись очертания пустынного, каменистого берега¹. На созванном совещании больной Беринг и находившийся на корабле разжалованный Овцын высказались за то, чтобы пройти мимо этой безлюдной земли и плыть к Авачинской бухте, до которой уже недалеко. Но большинство присутствовавших, во главе с Вакселем, настаивало на высадке.

Направились к берегу. Мощный прилив буквально внес судно в лагуну, перебросив его через гряду рифов. Было 6 ноября 1741 г.

Наступили тяжелые дни. Несколько больных умерло, как только их вынесли на воздух; девять человек умерло во время перевозки с корабля на берег. «Наш лагерь представлял печальный и ужасный вид, — писал Стеллер, — покойников, которых не успели еще предать земле, тотчас же обгладывали песцы; не боялись они подходить и по-собачьи обнюхивать и беспомощных больных, лежавших на берегу без всякого прикрытия».

Остававшиеся в живых занялись охотой, сооружением

¹ То был один из островов группы Командорских островов, названный впоследствии именем Беринга.

хижин и другими приготовлениями к зиме. В разгар этих приготовлений, 8 декабря 1741 г., умер начальник экспедиции командор Беринг. Страдая от холода, он приказывал зарывать себя по грудь в песок. Когда вырыли из песка тело Беринга, чтобы предать земле, увидели, что все оно покрыто земляными вшами.

Спутники Беринга провели девять месяцев на необитаемом острове. За лето они построили корабль в 41 фут длиною, употребив для этой цели части застрявшего в лагуне, сильно поврежденного «Св. Петра». В августе 1742 г. оставшиеся в живых вышли в море и уже через четыре дня увидели берега Камчатки.

Плавание Чирикова было также сопряжено с большими бедствиями, в результате чего из 70 человек экипажа вернулось лишь 49. Началось с того, что со «Св. Павла» спустили две лодки для высадки на одном из Алеутских островов. Обе лодки пропали без вести. Лишившись вследствие этого 15 человек экипажа, Чириков двинулся дальше. Вскоре на корабле обнаружился недостаток пресной воды. Пришлось повернуть обратно. Люди умирали от жажды. 8 октября 1741 г. корабль достиг Камчатки.

Весной следующего года Чириков отправился на поиски «Св. Петра», но хотя проплыл совсем близко от острова, на котором зимовали беринговцы, не заметил их.

Остается упомянуть о плавании Шпанберга и Вальтона в Японию, с которой давно уже хотели завязать торговые сношения.

В 1739 г. Шпанберг пристал к японским берегам, но, опасаясь внезапного нападения, провел там всего один день. Вальтон пристал в другом пункте к берегу, но также вскоре отплыл обратно. Шпанберг и Вальтон повторили затем свои путешествия к японским берегам, нанесли на карту Курильские острова и сообщили первоначальные общие сведения о японцах.

Такова общая картина работ Великой северной экспедиции, участники которой описали северные берега России на протяжении 140 градусов долготы, исследовали Сибирь, Охотское море и Камчатку, совершили первые плавания к берегам Северной Америки и северным берегам Японии.

УЧАСТЬ ШТУРМАНА ЧЕЛЮСКИНА

Грандиозное исследование севера продолжалось десять лет. В феврале 1733 г. выехали из Петербурга первые участники экспедиции; в 1743 г. экспедиция была приостановлена в связи с голодом в Восточной Сибири.

Расходы на экспедицию составили около 360 тыс. рублей. Если сравнить эту сумму с тратами на мотовство при дворе тогдашней императрицы Елизаветы Петровны, имевшей в своем гардеробе 20 тыс. платьев и 8 тыс. пар обуви, то эта цифра не покажется чрезмерной. Но по тому времени подобные затраты на научное предприятие, хотя бы и преследовавшие политические цели, были исключительным явлением.

Израсходовав довольно крупную сумму на экспедицию, правительство не сумело однако использовать колоссальные материалы, добытые с таким великим трудом. Инертность и косность царского правительства оставались решающим фактором. Повторилось, примерно, то же, что столетием раньше произошло с докладом Дежнева. Этот доклад, содержащий сведения о необычайном открытии, о разрешении загадки, издавна интересовавшей человечество, пролежал без всякого движения 88 лет в Якутском архиве, пока Герард Миллер не нашел его там в 1736 г. и не опубликовал¹.

Адмиралтейств-коллегия очень мало оценила титанические усилия участников экспедиции. Россия того времени вообще была мачехой для многих своих сынов. Но жребий, выпавший на долю участников экспедиции, был особенно тяжел. Не говоря уже о матросах и солдатах — участниках экспедиции, не получивших никаких наград, достаточно вспомнить судьбу командного состава: лейтенанты Муравьев и Павлов были отданы под суд и разжалованы в матросы; Овцын был разжалован в матросы; Минин разжалован на 2 года в матросы; Шпанберг был приговорен к смертной казни за приезд без разрешения в Петербург, и только вмешательство датского посланника спасло его. Чего не сделал царский суд, сделала суровая природа: Витус Беринг и Прончищев умерли во время плавания, та же участь постигла Ласиниуса; Чириков заболел цынгой, вернувшись, жил в глубокой бедности и умер от чахотки.

На фоне этого страшного мартиролога последующая судьба Челюскина и Лаптева представляется еще сравнительно благополучной.

Х. Лаптев дослужился до чина капитана 1-го ранга, в 1762 г. он получил чин кriegс-комиссара.

Челюскин 3 декабря 1742 г. был произведен в мичманы, а в 1745 г., в связи с завершением работ экспедиции, — в лейтенанты. В 1745 г. он был назначен командовать придвор-

¹ Дежнев побывал в Беринговом проливе в 1648 г.; в 1898 г. восточный мыс, вдающийся в этот пролив, был назван его именем. Понадобилась четверть тысячелетия, чтобы окончательно признать заслугу Дежнева и увековечить его имя.

ными яхтами, но, видимо, не пришелся ко двору, потому что в следующем году был переведен с этой должности. Только в 1754 г. он получил чин капитан-лейтенанта.

Ни о каких новых плаваниях, ни о каких больших делах не было больше речи. Челюскин страдал от того, что дни его проходят так тускло. Вероятно в голове его роились планы новых смелых экспедиций, но он понимал беспочвенность этих мечтаний. Он чувствовал себя, как большая океанская рыба, оказавшаяся в мелком узком бассейне.

В 1756 г. он был назначен в сенат, в 1760 г. Челюскин был уволен в отставку, при этом ему был дан чин капитана 3-го ранга.

Адмиралтейств-коллегия ни в малой мере не оценила способностей и заслуг Семена Челюскина. Это был, бесспорно, один из даровитейших моряков, которых породил русский народ. Вместе с тем, это был один из крупнейших русских полярников: он прошел на санях 9 тыс. км! Только Расмуссен и Ушаков могут соперничать с ним в этом.

Не только при жизни, но и после смерти Челюскин долгое время не находил признания. Его имя замалчивали, подвергали сомнению правильность его вычислений, даже самый факт достижения им Северо-восточного мыса.

Великая северная экспедиция — это Одиссея мужества, выносливости и настойчивости ее участников. Плывя на кораблях, о которых Норденшельд выразился: «можно удивляться, что кто-нибудь мог отважиться на них выйти в открытое море», — люди штурмовали закованное в лед Заполярье, вырывая у него одну за другой вековые тайны.

Со времени этой замечательной эпопеи прошло два столетия. Человечество не забыло крупнейших заслуг русских мореплавателей в деле освоения Севера. И в ряду славных имен знаменитых исследователей-полярников по праву стоит имя штурмана Семена Челюскина.

Это имя, наряду с именами Прончищева, Лаптевых, Овчина и других участников Беринговой экспедиции, напоминает также о героическом мужестве русских людей, об их железном упорстве в достижении намеченной цели, о стойческой выносливости. Никакие испытания не сломят народ, из недр которого выходят такие натуры. И как бы тяжела ни была происходящая теперь борьба с черными силами фашизма, русский народ выйдет из нее победителем.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3

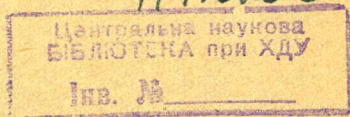
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Анианский проход»	4
Первые полярные путешествия русских	8
Первая экспедиция Беринга (1725—1730)	12
Организация второй экспедиции	17

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Штурман Челюскин	22
На борту «Якутска»	25
Снова на Север	31
Гибель «Якутска»	35
Мыс Челюскина	41
Труды и люди Великой северной экспедиции	49
Участь штурмана Челюскина	56

И 109253

Редактор П. Кушнер

Подписано к печати 26 декабря 1942 г. А 62234. Объем 3³/₄ п. л.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 816. Цена 75 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Краснопролетарская, 16.

